

КНИГА 2

Виктор Квашин

ОСТРОВ

СЧАСТЛИВОГО ЗМЕЯ

Виктор Квашин

Остров счастливого змея. Книга 2

«Издательские решения»

Квашин В.

Остров счастливого змея. Книга 2 / В. Квашин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837877-5

Следовать своим путём не так-то просто. Неожиданные обстоятельства ставят героя в исключительно сложные условия. И тут, как и в первой книге, на помощь приходят люди с нестандартным мышлением. Предложенные ими решения позволяют взглянуть на проблемы с особой точки зрения и отыскать необычные ответы на сложные жизненные вопросы.

ISBN 978-5-44-837877-5

© Квашин В.

© Издательские решения

Содержание

Часть 3. Острие копья	6
1	6
2	9
3	13
4	17
5	24
6	31
7	38
8	44
9	51
10	58
11	63
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Остров счастливого змея

Книга 2

Виктор Квашин

Дизайнер обложки Владимир Квашин

© Виктор Квашин, 2018

© Владимир Квашин, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4483-7877-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 3. Острые копья

*Алый —
Любимый цвет
Моего наконечника.
(«Песня стрелы» – индейцы оджибве).*

*Дайте в бою отведать мне,
Дайте отведать, вправду ли
Я на свете живу?
(«Вправду ли» – песня индейцев поуни).¹*

1

Михаил бойко вёл машину в плотном потоке транспорта. Александр смотрел по сторонам и чувствовал, что вместе с уплывающими назад знакомыми улицами, остаётся за спиной и вся предыдущая жизнь с заботами и проблемами. А впереди предвиделось удивительно красивое будущее.

На выезде из города Александр попросил остановить у хозяйственного магазина.

– Перекури минутку, кое-что из инструмента купить надо, хоть на первое время. У меня же ни топора, ни лопаты нет.

– Тьфу! – Михаил, уже съехав на обочину, вывернул руль и надавил на газ. – Что я, не человек что ли? Всё там у меня есть, и топоры, и лопаты, и грабли, и ведра! Не повезу же я всё это в город!

Александр стало неловко, перевёл разговор на пустяки.

Часа через три Александр предложил:

– Не пора ли перекусить? Зоя курицу пожарила, огурчики есть.

– Километров через двадцать хорошее местечко будет. Я там всегда останавливаюсь, как к брательнику еду. Там и перекусим.

Они свернули у моста через какую-то речку. Проехали немного и остановились на крошечной полянке у громадного кедра, уцепившегося узловатыми корнями за самый берег.

– Уроды! – в сердцах хлопнул дверцей Михаил. – И здесь всё загадили! – на полянке валялись пакеты, бутылки, пачки из-под лапши. – А такое место было замечательное! Не буду больше здесь останавливаться.

Они сели на самом берегу спиной к мусору. Александр достал припасы. Чистенькая речушка тихонько журчала среди камней. В тени валунов на берегах кое-где сохранился лёд. Лес был ещё по-зимнему серый и прозрачный, и только кедр над головой весело зеленел в солнечных лучах.

– Посажу кедры на участке, – мечтательно сказал Александр, подбрасывая Норду косточки.

– Правильно. Я всё собирался, да так руки и не дошли, если бы в первый год посадил, уже, наверно, орехи были бы.

Около шести часов Михаил подрулил к воротам Пасхиных. Из дома выбежала Лариса, за ней появился Петрович.

¹ Здесь и далее эпиграфы из книги «Покуда растут травы... Антология мифов, традиционной и современной поэзии, легенд индейцев и эскимосов США и Канады». Якутское книжное издательство, 1988.

– Ну, молодцы, добрались! – сказал Пасхин, здороваясь. – А вещей-то, вещей! На две семьи хватит! – пошутил он.

– Он ещё лопаты покупать собирался, – в тон Пасхину пошутил Михаил.

Засмеялись, задымили сигаретами.

Норд выскочил из кабины, потянулся, пометил столбик калитки и без опаски, виляя хвостом, пошёл здороваться с хозяйским псом.

– Идите, хоть чаю попейте, сразу за свои соски! – заругалась Лариса.

– Правда, пошли чайку с дорожки, а потом разгрузим. У Ласика сегодня блинчики, – сказал Пасхин.

Горячий крепкий чай был кстати.

Поехали к дому Михаила, вернее, теперь уже это был дом Александра. Пришёл Борис, сосед Пасхиных, молча пожал руки, присоединился к работающим. Лариса тоже помогала, стараясь взять что потяжелее, за что Пасхин всё время ворчал на неё. Выгрузили ещё засветло.

– Ну вот, теперь пошли отмечать, – сказал Пасхин.

Александр хотел было сказать, что нет замка, чтобы запереть дом, но вовремя опомнился, подпёр дверь палкой и пошёл вслед за остальными. Норд с энтузиазмом «помогавший» заносить вещи, теперь не хотел никуда уходить.

– Пойдём, Нордик, поужинаем, а потом вернёмся. Там вкусно, пойдём!

Норд нехотя согласился, поплелся следом.

Когда все уселись за стол, Пасхин встал, поднял стопку. Пока Лариса накрывала на стол, он успел переодеться, и теперь в костюме выглядел торжественно.

– С прибытием, Забда! С возвращением на родную землю, землю предков, где тебя давно ждут. Желаю тебе не только благополучной и счастливой жизни здесь, но и радения на благо народа, к которому ты принадлежишь!

– Спасибо, Петрович, но слишком уж торжественно. Я ещё не заслужил...

– Заслужишь! Где чего не знаешь – поможем. Главное, было бы желание. А оно у тебя есть, поскольку приехал. Отсюда обратной дороги в города нет. Так что, за тебя!

Александр был смущен таким вниманием к своей персоне, но водка быстро сняла неловкость. Стол, поскольку был накрыт на скорую руку, был прост по сельским меркам: вареная картошка, голец бочкового посола, нарезанный крупными ломтями, солёные грибы, огурчики, маленькие, чуть ни с мизинчик, солёные же помидоры.

– Вкусно-то как! – восторгался Александр, закусывая. – Глаза разбегаются!

– Кушайте, кушайте, всё свое, чистенькое, сами заготавливали, – приговаривала довольная похвалой Лариса.

– Скоро и у тебя всё это будет, – сказал Пасхин. – Тут действительно, всё своими руками, разве что растительное масло в картошке из магазина. Всё будет, не ленись только! – приговаривал он, наполняя стопки.

После третьей Пасхин заговорил с братом, к ним присоединился и сосед. Александр размел от еды и выпивки, попросил у Ларисы крепкого чая, и выпив, стал прощаться.

– Спасибо за помощь, за замечательный ужин. Пойду в своё новое жилище.

– Да куда ж вы, на ночь глядя, ночуйте у нас, – стала уговаривать Лариса.

– Давай ещё по стопочке, – сказал Пасхин, – и ложись здесь, места всем хватит. Завтра успеешь своим приобретением налюбоваться, всю жизнь теперь твоим будет.

– Не терпится, – ответил Александр.

– Приходи на завтрак, сразу и поедем в район сделку оформлять, – сказал Михаил. – А то, может, действительно ещё посидим?

– Нет, нет, спасибо. Пойду я.

Он вышел в полную темноту и поначалу ослеп. Но присмотрелся, и через пару минут стал различать силуэты, а потом и вообще сносно все объекты. Норд бежал впереди не слишком далеко, иногда оглядываясь, словно боялся, что хозяин может заблудиться. Стояла абсолютная тишина. Небо было полно звёзд, где-то внизу шумела река. Какие-то шорохи раздались совсем рядом. Остановился – всё стихло. Пошел – опять. Наконец догадался и удивился: это шуршала при ходьбе одежда. Надо же, какая тишина!

Дома отыскал чайник, пошёл за водой. Спускаясь с невысокого обрыва к реке, поскользнулся. «Сделаю здесь ступени из дикого камня», – подумал мечтательно, и представил, как Зоя будет спускаться по этим ступеням. Чёрная вода неслась, слегка поблескивая водоворотами, в ней было что-то таинственное. Норд сидел рядом, и казалось, внимательно рассматривал реку. Александр зачерпнул чайником, и в этот момент крупная рыба плеснула неподалеку. «Она меня видит, – подумал Александр о реке. – Она меня узнала!». Он встал, поклонился и сказал вслух:

– Здравствуй, Река!

И опять громко плеснуло.

«Отвечает!» – подумал Александр и улыбнулся. На душе было радостно.

В нетопленном доме было холодно, и Александр ворочался, пока не натянул поверх спальника ещё и одеяло. Норд улёгся в ногах. Спалось хорошо. Проснулся от резкого, тревожного стука в окно. Вскочил беспокойно. Норд удивлённо смотрел на хозяина, мол, чего ты вскочил, птица же это. На наличнике сидел крупный зелёный дятел с красной шапочкой и что-то сосредоточенно разглядывал в щели.

– Привет, дятел!

Птица посмотрела в его сторону, повернула голову на бок, словно удивляясь, откуда тут появился жилец, и стремительно улетела. Александр сбежал к речке, сполоснулся ледяной водой, вытираясь на ходу, пошёл к дому. Где-то мычала корова, прокричал петух. Чистота и пронзительная красота природы щемяще отозвалась внутри.

– Вот здесь мы с тобой будем теперь жить, – сказал он Норду. – Тебе нравится?

Пёс снисходительно вильнул хвостом, будто это он привез Александра в это замечательное место, а не наоборот.

У Пасхиных уже все сидели за столом.

– Ну, как спалось на новом месте? – спросил Пасхин.

– Превосходно! Дятел разбудил, а то спал бы ещё.

– Это они могут! Иной раз такую тревогу устроит чуть свет! Тут много всяких пернатых, это вам не в городе.

– В городе свои «дятлы», – сказал Михаил. – Сигнализация под окнами всю ночь вякает. И что я заметил, здесь на дятлов никогда не обижаюсь, а в городе убить готов этих придурков.

На завтрак к горячему чаю были оладьи с мёдом.

– А мед-то у вас откуда? Тоже сами собираете? – пошутил Александр.

– Держат некоторые по несколько ульев. Мы у Бориса берём. Мёд здесь хороший. С липы, клёна, бархата пчёлки несут. Помногу качают, только продать некуда.

– Как у вас здорово! – сказал Александр.

– Не «у вас», а у нас. У нас с тобой, Саша! – поправил Пасхин. – Привыкай, это всё теперь твоё. Сейчас вот, поедem, оформим твой статус жителя нашего поселения. Я с вами съезжу, мне тоже в район нужно.

2

В районном посёлке было довольнолюдно, особенно на центральной асфальтированной улице. Люди были одеты по-городскому. Сверкали витринами магазины и офисы. Юридическая контора располагалась в здании районной администрации. Очереди не было. Женщина юрист с помощницей пили чай. Видно было, что они не привыкли к суете. Бегло просмотрев документы, юрист сказала, что не хватает справки из БТИ.

Пошли в БТИ.

– Нужно проводить новое обследование. Наши специалисты выедут к вам в течение месяца. Оплатите работу в банке, принесите счёт нам, потом напишите заявление, и ждите.

Александр с Михаилом вышли на улицу, закурили.

– Вот это мы попали! – сокрушался Александр. – Это тебе придётся ещё раз приезжать из города.

– Сейчас, брательника дождёмся, может он поможет.

– Бюрократы чёртовы! – ругнулся Пасхин, узнав о загвоздке. – Ты же вызывал их в прошлом году, – сказал он Михаилу. – Подождите, я поговорю. Знакомые ребята.

– Всё нормально, – сказал он, появившись через несколько минут. – Они сделают всё по прошлогодним планам. Обещали за два дня управиться.

– Вот так запросто? – удивился Александр.

– Не совсем, конечно, запросто. Но это неважно, главное – дело сделано. Пошли теперь к юристу.

Пасхин переговорил с юристом, сказал:

– Заходите.

– Давайте ваши документы, – сказала юрист, ещё раз проверила бумаги, задала несколько вопросов, поставила печати.

– Поздравляю вас с совершением акта купли-продажи, – сказала она. – Забда, получите свидетельство о государственной регистрации права на собственность через две недели. Тогда же и пропишитесь. Всего доброго!

В коридоре ждал Пасхин.

– Спасибо, Петрович! Всё так быстро! Слушай, а как же она оформила без справки БТИ?

– Я договорился. Ей принесут эту справку через два дня.

– В городе это невозможно.

– Мы же не в городе. Здесь меня каждая собака знает, как облупленного. Ни разу не подводил, и без благодарности не оставлял. Всегда, как в район еду, то рыбу везу, то изюбря. Да и куда я денусь, если что? Давайте теперь в магазин заедем, да и домой.

Весь обратный путь Александр чуть ни пел! Он несколько раз перечитал акт купли-продажи, уложил в папку и прижал к груди, как драгоценность. «Вот всё и случилось! Так быстро... Теперь это мой дом! Скорее бы Зоя приехала!» – думал Александр, пуская дым в приоткрытое окно машины и любуясь начинающими зеленеть сопками.

Михаил свернул с дороги, остановился.

– Ты чего? – спросил Пасхин.

– Александр у кедр выкопаем. Я не удосужился, пусть он посадит в день покупки дома – самая подходящая дата. Вон они, какие хорошенькие стоят, один к одному. Иди, Саша, выкапывай. Лопата в кузове. Да пошире бери, корни не оборви.

Александр был в восторге. Он ходил между молодых кедров, не зная, какой выбрать. Норд тоже побродил от кедр к кедр, один пометил и уселся рядом.

– Ты считаешь, этот лучше? – спросил Александр, и стал примеряться, как лучше выкопать. Он копнул раз-другой лопатой и вдруг остановился, опустил перед кедром на колено.

– Не беспокойся, я не сделаю тебе больно. Я приглашаю тебя к себе. Мы будем жить вместе. Там солнечно, тихо, никакие деревья не будут тебе мешать. Я обещаю, тебе будет хорошо на новом месте.

Он поглаживал мягкие длинные иглы, и казалось, от хвои исходило тепло. Аккуратно обкопал деревце, поднял с комом земли, отнес в кузов и прикрыл старым мешком.

– Поехали! Он согласился.

– Это хорошо, что согласился, – ответил Пасхин, и было непонятно, всерьёз он принял это сообщение или с иронией.

Обратный путь показался быстрее.

– Петрович, давай заедем в администрацию на минуту. Не терпится Зое сообщить.

– Конечно. Тем более что мне туда и нужно.

Александр с нетерпением набрал номер.

– Зоя! Зоя, привет!

– Папочка, ты уже дочь свою не узнаешь? – ответила Ира. – Мама в магазин ушла. Как ты там?

– Ирка! Ты не представляешь, как здесь классно!

– Ещё как представляю! Мы же с Юркой вам говорили!

– Я только что из района вернулся. Уже оформили сделку, дом наш! Кедр привезли, сейчас поеду сажать. Норду нравится, он как будто всю жизнь здесь жил. А главное, здесь так спокойно! Передай маме, я жду её.

Александр посадил кедр ближе к речному обрыву с расчётом, чтобы, когда вырастет, тень не падала на участок, и вместе с тем, чтобы кедр всегда освещался солнцем.

– Живи счастливо тысячу лет, – сказал он деревцу.

– С хорошего дела начинаешь новую жизнь, – раздался за спиной голос.

Норд, дремавший на солнцепёке, с лаем рванул к пришельцам. Александр успел перехватить его за ошейник, и лишь затем обернулся к людям. Перед ним стояли старые знакомые, его спасители Олонко и Соло.

– Отпусти, он не укусит, – сказал Олонко. – Собаки разбираются в намерениях людей.

Александр отпустил. Норд, вздыбив шерсть на загривке, подошёл к хабуга, обнюхал, вильнул хвостом и, вернувшись на старое место, свернулся калачиком.

Александр протянул руку:

– Здравствуй, Олонко! Здравствуй, Соло! Как неожиданно вы появились!

– Мир твоему дому, Забда! Узнали, что приехал, зашли поведать.

Оба были в телогрейках и болотных сапогах. У Олонко в руке ивовый прутик с проде-
тыми сквозь жабры крупными рыбами.

– На рыбалку ходили?

– Вот, гольца маленько поймали, – ответил Соло.

– А как вы его ловите?

Соло стал подробно объяснять способы ловли. Олонко тем временем спустился под обрыв, сложил костерок, достал зелёный кремён и обломок рашпиля и принялся высекать огонь.

– Что ты мучаешься, – сказал Александр, – на, вот, зажигалку.

– Такой огонь нельзя зажигалкой разводить, – ответил Олонко, раздувая тлеющие щепочки.

– Почему?

– Это особый огонь. Сейчас будем праздновать твоё возвращение.

– Так пошли в дом, что-нибудь приготовим, посидим, как полагается, – торопливо заговорил Александр, осознав свою промашку, что сам первым должен был пригласить гостей к столу.

– В доме неправильно. Здесь будем праздновать, – сказал Соло.

Он вытащил из внутреннего кармана телогрейки начатую бутылку водки, поставил на камень.

– Неси посуду.

Александр сходил в дом, взял стаканы, прихватил буханку хлеба, нож, банку тушёнки.

Олонко и Соло сидели прямо на гальке, подвернув под себя ноги. Над раскалёнными углями наткнутые на палочки нависали три рыбины. То один, то другой поворачивали палочки, чтобы рыба пропекалась равномерно. Соло налил в стаканы, окунул палец в водку и трижды брызнул в огонь, что-то прошептал. Поднял стакан.

– Ты вернулся, – сказал он утвердительно, чокнулся с Александром, Олонко тоже.

Выпили. Александр отрезал хлеба, протянул гостям. Взялся за банку.

– Не нужно. Эта пища не для такого дня, – сказал Олонко.

Он снял гольца с палочки, разломил со спины вдоль, положил перед Александром на гальку.

– Сейчас я тарелки хоть принесу, и соль, – вскочил Александр.

– Сиди, не суетись. Не надо портить пищу.

– Разве тарелка испортит? – удивился Александр.

– Эта рыба никогда не видела ничего, кроме воды и гальки. Обидится, если положишь в тарелку. Ешь!

Голец был ароматным и сладковатым на вкус. Александру было непривычно есть рыбу без соли, но он с удивлением обнаружил, что так даже вкуснее. Водка приятным теплом разлилась по телу.

– Спасибо, что пришли. Такая вкусная рыба! А я собирался кашу с тушёнкой варить.

– Как мы могли не прийти? Ты вернулся! – ответил Соло, и потянулся к бутылке. – Пусть твоя новая жизнь будет крепкой, как эти сопки, сильной, как эта река, чистой, как этот огонь!

– Спасибо, – сказал Александр, отщипывая кусочки рыбы. – Скажи, Олонко, а почему нельзя костёр зажигалкой разводить?

– Можно, почему нельзя? Только огонь другой будет.

– Почему другой?

– Огонь разный.

– Чем же он различается? Понятно, что химический состав дров влияет на горение, но разве от того, чем разжигаешь, зависит горение древесины? – заспорил Александр, у которого в школе была «пятерка» по химии.

– Дрова имеют значение, но не это главное. У разного огня душа разная. Как у людей.

– У людей это, наверно, скорее, связано с генами, полученными от родителей.

– Твои мысли на правильном пути. Душа огня тоже зависит от родителей. Огонь рождается от молнии, от спички, от трения, от искры, высеченной из камня... И у каждого своя душа, свой характер. Как ты не чувствуешь этого?

– Мне кажется, это не имеет значения. По крайней мере, я не замечаю различий. Так какой же огонь лучше?

– Для разных дел – разный огонь. Для очага, для приготовления пищи, для большинства ритуалов самый лучший огонь, полученный трением.

– А электрический, химический?

– Душа такого огня отличается от природного так же, как душа горожанина от души хабуга. Тебе учиться надо, – неожиданно подытожил Олонко.

– В каком смысле? – удивился Александр. – Уже не те годы, чтобы учиться.

– Учиться всегда хорошо. Тебе надо! Ты хабуга, вождь. Ты должен знать душу народа. Чтобы понять душу, надо узнать обычаи. Какой ты хабуга, если не знаешь, как живёт твой народ?

– Как же мне учиться?

– Спрашивай, смотри.

Александр закурил, задумался. Все трое смотрели, как проносится мимо вода. Соло вдруг запел. Он пел протяжно, монотонно, на своем, непонятном Александру языке, и это пение удивительно сочеталось с шумом реки.

– Я пою: деревья вырастают и умирают, а тайга живет всегда; вода всё течет и течет, а река никогда не кончается; люди рождаются и умирают, а род хабуга живет, и будет жить, – сказал Соло, и разлил остатки водки.

– Хорошие слова, – сказал Александр. – Кто написал эту песню?

– Никто не писал, я так вижу.

– Ты сам придумал эту песню?

– Я не придумывал, душа сама поет. У тебя разве не так?

– Ну, обычно песни сочиняют поэты и композиторы...

– Как душа может петь слова, которые придумал другой человек? У того человека другая душа, он придумал песню для другого случая.

– А музыка? Как ты выбираешь мотив?

– Душа выбирает. У реки одна музыка, в тайге другая, на вершине сопки совсем непохожая. Как может быть одинаково? Тебе понимать надо, учиться надо!

– То есть, ты поёшь то, что видишь?

– Я пою то, что чувствую!

– Да-а, надо начинать учиться, – задумчиво сказал Александр. – Как думаете, с чего начать?

– Слушай свою душу, слушай реку, тайгу, свою собаку слушай. К нам приходи, к старикам приходи, к шаману приходи. Любой подскажет, как правильно поступить, если сам не знаешь, – сказал Олонко, вставая. – Нам пора, однако.

Он снял с прутика гольца, положил на гальку.

– Уху сварить. Из гольца хорошая уха. Удачного дня, Забда!

Александр присел на корточки у догорающего костра и смотрел вслед неожиданным гостям, пока они не скрылись за поворотом реки. «Интересные люди, – думал он. – Вроде простые до нельзя, явно неграмотные, водку пьют, а чувствуешь себя с ними, как двоечник на уроке». Он выкурил ещё одну сигарету и пошёл разбираться с вещами.

3

Следующий день Александр решил посвятить наведению порядка в доме. Он соорудил посудную полку над плитой, приладил к косяку наружной двери вертушку, чтобы не подпирать дверь лопатой. Но вчерашний разговор с Олонко и Соло не выходил из головы. «Надо учиться, надо учиться», – вертелось в мыслях.

– Надо нам с тобой учиться, – сказал он псу. – Пойдём-ка, Нордик, сходим к Сикте.

Норд готов был немедленно идти куда угодно, лишь бы идти. Они поднялись на дорогу и зашагали по улице. Во дворах горели прошлогодние листья, заволакивая густым дымом всю округу – люди готовили огороды к весне.

В одном дворе бабушка-хабуга тюкала колуном по полену, которое явно не хотело поддаться. Александр на секунду замешкался, потом решительно открыл калитку.

– Дайте, я попробую.

Он забрал из рук бабули колун с насаженным на него сучковатым поленом, размахнулся, перевернул его в воздухе и с размаху ударил обухом о колоду. Полено с треском разлетелось в разные стороны.

– Мужчина! – сказала бабушка.

Александр взял другое полено, ударил вдоль сучка. И дело пошло. Он ощущал приятное напряжение в мышцах. Тело хотело простого труда. Горка колотых дров росла. Александр разогрелся на солнышке, скинул куртку, а затем и рубашку. Бабушка присела на полено, спокойно, задумчиво смотрела на помощника. Александр за полчаса переколол валяющиеся чурки, разогнулся.

– Есть ещё, бабуля?

– Хватит, Забда. Ты хорошо поработал. Пусть Солнце даст тебе удачного дня!

– Откуда вы знаете мою фамилию?

– Кто же тебя не знает? Ты вернулся! Пойдём в дом.

– Спасибо, мне идти надо.

– Пойдём! – решительно сказала бабушка.

В низкой комнатке с одним окошком стоял дощатый стол и лавка, у стены сделанная из досок же кровать, застеленная лоскутным одеялом. Горела многократно подмазанная, выбеленная известью печка. Хозяйка усадила Александра за стол, налила чай в жестяную кружку, принесла бруснику в берестяной коробке, красиво украшенной вырезанными узорами, поставила сахар и плетёную из прутьев тарелочку с карамельками.

– Какие красивые вещицы! – потрогал Александр туесок и тарелку. – Откуда у вас такие?

– Сама делала.

– Сами? Вы умеете делать такие вещи?

– Раньше все женщины умели. Другой посуды-то и не было. И мебель всю мужики делали сами. Иктэ семнадцать лет, как ушёл к верхним людям, а стол до сих пор, как новый, – погладила она сморщенной ладонью выскобленные доски. – Сын приезжал, хотел новую мебель купить, я отказалась. Зачем новая? Эту муж делал, мне с ней хорошо. Смотрю на стол – мужа вижу, на лавку сажусь – Иктэ рядом. Хорошо.

– А что же, вам никто не помогает?

– Помогают. Сын приезжает, дрова заготовит, дом поправит. Далеко он, работает, редко бывает. Люди приходят, принесут кто рыбу, кто мяса, кто дров порубит как ты.

– Как же вас зовут, бабушка?

– Золомпо.

– Золомпо, – повторил Александр. – Что значит Золомпо?

– Рябина. В молодости все говорили, подходит мне это имя. Я красивая была, стройная. Молодые все красивые...

Бабушка полезла в какой-то ящик. Достала альбом, положила на стол. Обложка была украшена аппликациями из бересты. В прорезанном орнаменте угадывались какие-то звери, птицы, рыбы, а в центре Александр сразу узнал свернувшуюся змею.

– Тоже вы делали? А почему змея?

– Как же без Змея? Он покровитель рода! Ты сам Змей, а спрашиваешь!

– Почему я Змей? Я не понимаю.

– Ты не знаешь, как тебя зовут?! Как можно? Забда – Змей!

– Что, меня уже Змеем здесь прозвали?

– Ай-яй-яй! Тебе учиться надо! Язык хабуга совсем не знаешь! – старушка проворно встала, заходила по комнате, размахивая руками. – Забда на хабуга – Змей! Как ты не понимаешь?

– Забда переводится на русский язык как Змей? – переспросил Александр в растерянности.

Он не мог поверить тому, что только что осознал! Буря воспоминаний заполнила мозг, мысли металась от одного фрагмента памяти к другому. Внезапно всё стало на свои места, связалось в одну цепочку: Змей на Острове, Забда в прошлой жизни, миф о Змее-спасителе с двумя душами, дед Забда Чен, вождь Забда в прошлой жизни и Забда-вождь теперь. Бабушка что-то говорила, показывая старые фотографии в альбоме.

– Да ты меня не слышишь, Забда?

– Извините, Золомпо, я задумался. Вы открыли мне моё имя, теперь я многое понял. Мне надо идти. Я ещё зайду к вам. Спасибо за угощение.

Он машинально шёл по дороге. Размышления не отпускали. Лай Архи вывел его из раздумья. В раскрытых дверях стоял Сикте.

– Солнце в твой дом, Сикте! Почему ты не сказал мне, что моя фамилия означает Змей?

– Мир твоим мыслям! Заходи в дом.

– Почему ты не сказал?

– Заходи!

Сикте поставил перед Александром кружку, конфеты, налил горячий чай, сел сам напротив, отхлебнул, помолчал.

– Ты не спрашивал, – сказал он спокойно.

– Но это же всё меняет, ты понимаешь?

– Я понимаю. Но ты не спрашивал. Откуда я знаю, что ты не знаешь, что означает твое имя? Как человек может не знать своего имени? Твое русское имя что значит?

– Александр? Это греческое или римское имя, сейчас не помню. Какая разница? Так родители назвали.

– Как можно?! Если ты не знаешь, значит, твоё имя тебе не помогает! Как можно? Вам там, в городе неинтересно даже, кто управляет вашими судьбами!

– Какое значение может иметь имя? Родители выбрали, какое понравилось...

– Подумай своей головой! «Какое значение»! Вспомни, как ты оказался здесь. Разве не Змей привел тебя сюда? Ты думаешь, что ты сам так решил? Змей целое столетие выправлял судьбы твоих предков, чтобы, наконец, вернуть тебя своему народу! Имя даётся человеку, чтобы у него был покровитель. Трудно правильно выбрать имя. Но если оно подходит человеку, то будет помогать ему в жизни.

– А твое имя что означает? – спросил Александр.

– Сикте – это Полынь. Умная трава, сильная. Любую болезнь лечит. Когда мне плохо, я с ней говорю, она совет даёт. Хорошее имя! Я горжусь! Сто лет с этим именем живу, никогда её не обидел.

– Так что, тебе нельзя обидеть полынь? То есть, ты не можешь её сорвать, скосить?

– Могу, если она разрешает. Но без нужды нельзя – плохо будет. Да что ты спрашиваешь, ты же сам змей защищаешь, сам понимаешь.

– Я змей жалею просто. Зачем ни за что убивать? Это что, если бы я убил змею...

– Если бы ты убил, ты потерял бы своё имя. Змей больше не стал бы тебе помогать. Ты заблудился бы в тропях судьбы, и мы бы никогда не встретились.

Сикте долил ещё чаю.

– Откуда ты узнал своё имя?

– Золомпо сказала.

– Золомпо – умная женщина. Что ты у неё делал?

– Дрова колол. Помог немного.

– Попросила?

– Нет, проходил мимо, увидел...

– Хорошее дело. Ты – хабуга! Доброе дело возвращается добрым делом.

– Да я же просто так, бескорыстно. Чем может отплатить старая женщина?

– Разве она не вернула тебе имя? Это не доброе дело?

– Да! Конечно! Я не подумал...

– Всё возвращается. Всё, что ты сделал в жизни хорошего, возвращается к тебе. Всё, что ты сделал плохого – вернётся, может быть, не сразу, но с годами вернётся и больно тебя ударит.

– А этого можно избежать?

– Можно, но трудно.

– Что нужно сделать?

– Нужно вспомнить всю свою жизнь по мгновениям, вспомнить всё, что ты сделал плохого, кого обидел. Надо поставить себя на место обиженного и прочувствовать всю его боль. Если сможешь это сделать, плохое уже не будет тебя беспокоить.

– Но на это нужно очень много времени, это же невозможно!

– Каждый выбирает сам: или ждать удара в самый неподходящий момент, или попросить прощения у всех обиженных.

– Ну, я думаю, не так уж много людей я обидел...

– Не забудь о животных, о растениях, о камнях.

– Они тоже могут мстить?

– Они не мстят. Ты сам бьёшь себя своими поступками.

– Как же представить себя камнем?

– Уж как-нибудь представь. Нужно было думать тогда, когда решил его обидеть. Или жди, что камень провернётся под ногой, когда будешь бежать. Тебе выбирать.

– Да, наверно нужно найти время и заняться этим.

– Любое мгновение даёт человеку возможность изменить свою жизнь.

Сикте достал маленькую трубку, набил табаком, раскурил. Александр достал сигарету.

– Сикте, мне бы что-нибудь почитать о хабуга. Я совсем ничего не знаю.

– Читай.

– У тебя есть книги про хабуга? – удивился Александр.

– Зачем книги? Читай людей, читай реку, читай тайгу. Разве буквы могут рассказать, как распускается цветок, как улыбается ребёнок? Читай природу, читай жизнь – сам всё поймешь, если будешь внимательным.

– Слушай, Сикте, – вдруг спохватился Александр, – а что же ты не спрашиваешь меня, почему я здесь?

– Что спрашивать? Ты вернулся.

– Ты знал?

Сикте рассмеялся:

– Я же тебе прошлым летом сказал, что ты пришёл туда, куда тебе нужно. Зачем уезжал?

Здесь твоё место.

– Ещё ты тогда сказал, что я делаю бесполезную работу, – вспомнил Александр.

– И что, работа была полезной?

– Нет. Ты был прав.

– Что теперь собираешься делать? – спросил Сикте.

– Думаю пойти учителем в школу, если возьмут. Ты как считаешь?

– Хорошее дело. Иди, учи детей. Сам заодно учиться будешь. Дети учат.

– Ты мне столько всего сказал, мне переварить надо, обдумать всё. Можно я буду к тебе приходить, советоваться?

– Обдумай, но не умом, а сердцем. А приходить можно. Приходи, когда захочешь.

4

На крыльце своего дома Александр обнаружил ведро картошки. «Наверно Пасхин приходил», – подумал он. Несколько картошин почистил для ухи, остальные рассыпал под кроватью, чтобы прорастали. Взял лопату, копнул в нескольких местах участка. Земля уже оттаяла на штык, можно было копать. Разметил грядку под картошку, стал вскапывать землю. Спина с непривычки быстро устала, заныла поясница. Вернулся в дом, сварил уху, благо, соль и специи нашлись в коробке на кухонном столе. Только приготовился есть, как вошёл Пасхин.

– Привет, Саша! Ты что нас забыл? Почему не приходишь столоваться?

– Здравствуй, Петрович! Садись со мной, испробуй ущицы.

– Ух ты! Откуда рыба? Сам что ли поймал?

– Олонко и Соло принесли. Садись.

Александр подал гостю тарелку.

– Извини, хлеба нет.

– Нормально. Уха и без хлеба хороша.

– Спасибо, Петрович, за картошку. Посажу. Я уже огород копать начал.

– Какая картошка?

– Ну, ведро картошки. Разве не ты принес?

– Не я.

– А кто же тогда?

– Не знаю. Да это неважно. Кто-то, значит, захотел тебя угостить.

– Как же не важно? А как я смогу поблагодарить?

– А зачем? Захотел человек доброе дело сделать, и сделал. Он же не ради благодарности. У нас это в обычае. Ты захочешь – другому сделаешь. Так по кругу добро и вернется.

– А как же ведро хозяину вернуть? Я же его не знаю.

– Поставь у порога, заберут, если нужно. Как поживаешь-то?

– Да вот, устраиваю быт помаленьку. Сегодня к Сикте ходил. Он мне столько информации выдал, чуть мозги не расплавились. Теперь обдумываю.

– Сикте может, мудрый старик! Иногда простую вроде вещь скажет, а потом неделю эта мысль из головы не выходит. Умеет! Пойдем, ко мне сходим, хлеба возьмёшь, да семена Ласик тебе приготовила. Посадишь, глядишь, к приезду Зои зелень какая-никакая будет.

Лариса надавала семян – не пожалела.

– Да куда мне столько? – растерялся Александр. – У меня ещё и огорода-то нет.

– Берите, берите! Огород – дело наживное, вскопаете.

– Бери, – поддержал Михаил, – там земля паханная, мягкая. Время до посадки ещё есть.

Лариса дала подробные инструкции, когда, что и как сажать, и Александр с охапкой паке-тиков и буханкой свежего хлеба пошёл домой.

Норд по пути выпросил горбушку – соскучился по печеному. Ближе к дому он вдруг взял след и понёсся к дому.

На пороге сидели Олонко и Соло. Олонко почёсывал псу загривок и что-то приговаривал. Александр пожал руки.

– Заходите, чай будем пить, дом посмотрите.

– Видели мы твой дом, – сказал Олонко. – Помогали Мише строить. Миша – хороший человек.

Александр вскипятил чайник, заварил покрепче.

– Хороший чай у тебя, Забда!

– Из города привёз. Здесь такой не продают.

Он вытащил две пачки, подал гостям.

– Возьмите, дома заварите.

– Хороший подарок, – сказал Соло, разглядывая пачку. – А мы с делом пришли.

– Говорите.

Александр протянул раскрытую пачку сигарет, вытащил и себе.

– Пошли завтра на рыбалку. Чунгай на берег вышел, я сам видел.

– Кто такой Чунгай?

– Ха! Ты не знаешь? Жук такой, в воде живет постоянно. Когда таймень на нерест идет, он на берег выходит, людям говорит.

– Что говорит? – не понял Александр.

– Говорит, что таймень идёт, остроги готовить надо, на рыбалку идти надо. Я один Чунгай видел, никто ещё не знает. Пойдём, первая рыба наша будет!

– Я вообще-то собирался завтра в школу идти, на работу устраиваться, – сказал неуверенно Александр.

– Успеешь в школу. Первая рыба важнее! Кто первую рыбу добыл, тот весь год с удачей! Собирайся!

– А что мне брать с собой?

– Ничего не нужно. Оденься тепло, сапоги надень. Мы сами всё возьмём. Часов в пять пойдем. Жди на берегу, зайдём за тобой.

– А собаку можно взять? Как же я его брошу?

Олонко критически посмотрел на Норда, махнул рукой:

– Его можно, он хороший человек, всё понимает. Не проспийшь, Забда?

– Будильник заведу.

Ночью Александр почти не спал. С вечера решил протопить. Давно нетопленная печь сначала не хотела разгораться, дымила, потом долго не согревалась. Александр подложил побольше дров, и печка накалилась так, что невозможно стало спать. Он несколько раз выходил на крыльцо, раскрывал дверь, чтобы проветрилось. А потом не мог заснуть, думал о предстоящей рыбалке. О таймене он слышал, читал, знал, что это «царь-рыба» и даже пробовал балык из тайменя. Но никогда не видел живым, а тем более не ловил. Воображение рисовало картинки, как огромная рыба выворачивается из рук, а он пытается её удержать.

Кажется, только задремал, как зазвенел будильник. Наскоро хлебнул чаю, благо, горячий чайник стоял на печке, оделся и вышел в студёное утро под яркое звёздное небо. Норд с недоумением поднял брови, мол, куда это понесло хозяина в такую рань, потянулся, и вышел следом. Они сели на берегу и стали ждать.

Где-то вверху плеснуло раз, другой. На блестящем фоне воды показался тёмный силуэт, и точно напротив Александра ткнулась в берег длинная узкая лодка. Это и был бат – долблёная из одного бревна лодка.

– Садись, – послышался тихий голос Соло. – Только не шуми. Молча поедем.

Александр посадил Норда в лодку, уселся сам. Сидений, как в обычных лодках, здесь не было, приходилось сидеть на дне. Бат казался очень неустойчивым, и Александр инстинктивно вцепился в борта.

– Не бойся, Соло умеет, – сказал Олонко. – Привыкнешь. Лодка хорошая.

Шли на шестах. Соло стоял на корме и ловко отталкивался длинной жердью от дна. Олонко сидел, держа наготове второй шест. Шли против течения, держась у берега. Когда прошли село, Соло повернул к противоположному берегу. Олонко встал на носу и стал помогать. Посредине реки глубина была метра два, и было заметно напряжение Соло и Олонко, когда

проходили стремнину. Но вот течение поубавилось, приблизился берег, и бат уткнулся в песчаный берег. Олонко выскочил, накинуд верёвку на корягу.

– Выходи, – сказал он Александру.

Они поднялись на невысокий береговой обрыв, пошли сквозь кусты по тропинке к подножью крутого склона горы. Вышли на поляну, подошли к огромному, метра полтора высотой, обломку скалы. Олонко опустился перед камнем на колени, положил в расщелину две сигареты и стал что-то шептать. Небо уже стало светлеть, и Александр разглядел: на уступе камня и под ним на земле лежало множество различных вещей. Здесь были ружейные патроны, рыболовные крючки, пуговицы, размокшие упаковки чая и сигарет, и даже ржавый нож, но больше всего было больших и мелких костей разных животных. Олонко отошёл, его сменил Соло.

– Что ты делал? – спросил Александр у Олонко.

– Просил его разрешить поймать тайменя.

– А почему именно этот камень?

– Он – Хозяин.

– Хозяин чего?

– Хозяин тайги, реки, гор, всего. Старики говорят, давно-давно на этом камне жил Змей. Он был Хозяин. Теперь Змея нет, камень Хозяин. Его просить надо. Если позволит, поймать тайменя, не захочет – не будет удачи. А рассердится, – скажет Реке, она утопить может. Без его разрешения никак нельзя.

Александр дождался, когда Соло освободит место, подошёл. Сокрушаясь, что ничего не припас для жертвы, порылся в карманах, достал несколько монет, положил на уступ. Опустился на колени и тут же представил себя перед немигающим взором могущественного Змея на Острове. С трепетом он прошептал свою просьбу:

– Прими мой скромный дар, Камень Змея! Позволь нам сегодня поймать первого тайменя.

Камень молчал, и нельзя было понять, разрешает ли он, или напротив, сердится. Александр поднялся, сделал три шага назад, подошёл к спутникам.

– Теперь надо Реку просить, – сказал Олонко.

Они подошли к берегу. Каждый бросил свой дар в воду и прошептал просьбу. Вода молчала. Потом вдруг прямо перед ними три раза подряд плеснула рыба.

– Три! Три тайменя разрешила! – обрадовался Соло.

– Да, теперь можно начинать, – сказал Олонко.

Они снова уселись в лодку, и пошли вверх по течению.

Около часа Соло толкал лодку против течения. Рассвело. Александр с удовольствием рассматривал крутые берега с цветущими кустиками багульника и песчаные косы со стоящими неподвижно цаплями. Наконец, свернули в приток и пристали к берегу.

Олонко достал из-под ног острогу – кованый из арматурного прута трезубец, насаженный на прочное двухметровое древко.

– Держи, Забда. Ты – первый. Проходи на нос.

– Нет-нет, я же не умею, – попытался отказаться Александр. – Я же рыбу всю распугаю. Давайте вы сначала, а я посмотрю.

– Ты – первый! Учись. Хозяин тебе разрешил, Река разрешила, чего боишься? Стань на колени на самый нос, смотри вперед. Вон там речка расширяется, видишь? Там нерестилище. Увидишь рыбу, рукой знак дай, куда подойти. Медленно идти будем. Таймень на нересте не пугливый. Подойдём, прицелься хорошо, острогу подведи близко, потом бей сильно. Только в голову бей, в другое место нельзя – сорвется. Поранить рыбу нельзя – уйдет, удачи не будет всё лето. Давай! Первая рыба твоя, Забда!

Александр пробрался на нос шаткой лодки, стал на колени, попробовал в руке острогу, махнул рукой: «Пошли!». Лодка развернулась и тихонько двинулась против течения. Александр всматривался в галечное дно, которое становилось всё ближе. Вдруг впереди шевельнулось. Александр поднял руку, лодка почти остановилась. Он увидел Его! Метрах в трёх впереди, чуть справа, в галечном дне была прорыта канава, а рядом с ней стояла рыба! Если бы она не пошевелилась, Александр принял бы её за топляк, настолько она была огромна. Александр никогда не видел таких рыб и растерялся. «Она же нас утопит», – мелькнуло в голове. Было желание отдать острогу опытным рыболовам, но самолюбие не позволило. Он осторожно показал рукой направление, и лодка двинулась в нужную сторону. «Чуть правее, еще чуть правее, – показывал он ладонью, – и чуть вперед... Стоп!». Он оказался прямо над головой рыбы. Жабры мерно раскрывались и закрывались, и казалось, что рыба смотрит на него снизу вверх и готовится к схватке. Наверно, он слишком долго прицеливался, потому что лодку стало относить в сторону в тот момент, когда он уже готов был ударить. Пришлось всё начинать сначала. Александр думал, что Соло с Олонко ругаются сейчас над его нерешительностью. Но он помнил, что упустить рыбу нельзя, поэтому надо бить наверняка. Лодка опять нависла над тайменем. Александр подвёл острогу близко к голове прямо над глазами и резко ударил вниз, навалился всем телом, так как не знал необходимую силу удара. Видимо, он уперся ногами в лодку, потому что она стала отходить назад, а рыба рванула вперёд, выламывая кисти рук. Александр напряг все силы, провис над водой между носом бата и острогой, и рухнул в реку. Ледяная вода обожгла лицо, проникла под одежду, но он не выпускал древко остроги, пытаясь встать на ноги. Наконец, ему это удалось, он укрепился на дне, растопырив ноги на шевелящейся гальке, и стал перебирать древко, подбираясь к рыбе. Он уже держался за стальной насад остроги, когда таймень изогнулся, рванул, ударил хвостом, и Александр вновь погрузился с головой. Вынырнув, он увидел прямо над собой борт лодки, изловчился, и рывком перевалил рыбину в лодку. Олонко сразу взмахнул деревянным молотком, и рыба затихла.

Александр подплыл к берегу, цепляясь вмиг окоченевшими пальцами за кусты, выбрался, и упал на прошлогоднюю траву. Разогретая утренним солнцем земля отдала ему свои запахи, и он различил среди них запах уверенности, запах удачи, запах жизни! Он улыбнулся, сел, помахал рукой своим наставникам.

Бат пришвартовался. Олонко и Соло пожали Александру руку. Они улыбались.

– Первая рыба в этом году твоя, Забда! Удача тебе будет! Раздевайся, сушиться надо.

Они мигом развели огонь, и пока Александр, стуча зубами, снимал и выжимал одежду, костёр уже пылал.

– Глотни, – Соло протянул бутылку.

Александр отпил пару глотков водки, затянулся прикуренной Олонко сигаретой. Стало тепло.

– Хорошо! – сказал он, держа руки над пламенем. – Жить хочется!

Соло и Олонко выволокли тайменя из лодки, положили у ног Александра. Норд, дрожа от возбуждения, слизывал кровь с головы рыбы.

– Килограмм на пятнадцать потянет, – сказал Соло. – Хорошая добыча! Как ты его в лодку поднял?! А удар у тебя хороший. Ладно, ты, Забда, сушишь, а мы ещё поищем. Нам тоже хочется.

Они оставили сигарет и уплыли. Александр навтыкал вокруг костра палок, развесил одежду и сапоги, закурил. Норд поскуливал возбужденно, просил разрешения отведать добычу.

– Нельзя, Норд! Терпи.

Толстая туша тайменя поблескивала серебром чешуи. Тёмные пятнышки контрастно выделялись на светлом фоне. Рыба была красива и вызывала уважение своими размерами. Александр рассмотрел раны на голове. Их было две, и пришились они сразу за глазами, чуть

наискось. Чешуя стала подсыхать на солнце, и окраска стала тускнеть. Александру стало жаль рыбу. Он прикоснулся к липкой жаберной крышке, сказал:

– Прости...

Больше ничего не придумалось в свое оправдание. Нарвал травы, прикрыл рыбу.

Рыбаки вернулись часа через полтора. Они молча вышли из бата, и присели у костра. Александр подошёл к лодке. На дне лежали два тайменя.

– Поздравляю! – сказал Александр. – Вы мастера!

– Надо Реке спасибо сказать – сказал Соло, доставая нож.

Он вынул рыбу из лодки, положил на берег, вскрыл брюхо и бросил внутренности в реку.

– Спасибо за добычу, Река!

Олонко сделал то же самое.

Александр вскрыл своего тайменя, бросил потроха в воду.

– Спасибо, Река, за Первую рыбу, спасибо за удачу.

Они уложили рыб в лодку. Таймени были почти одинаковыми, но тот, которого добыл Александр, был всё-таки, чуть больше и выделялся крупными кривыми зубами.

На обратном пути снова подошли к берегу напротив Камня-Хозяина.

– Надо благодарить, – сказал Соло.

Они с Олонко отрезали по грудному плавнику от своих рыб. Александр хотел сделать то же самое, но Соло его остановил:

– Нет-нет, твоя рыба первая в этом году, надо голову дарить.

Александр не без труда отрезал огромную голову, и они все вместе пошли к камню.

– Ты первый, – сказал Соло. – На самый верх клади.

Александр водрузил голову рыбы на вершину камня, стал на колено.

– Благодарю тебя, Камень Змея, за удачную охоту! Прими мой дар!

Соло и Олонко тоже принесли свои жертвы, но положили их ниже.

– Теперь можно и домой! – Сказал Олонко, и они поплыли по течению к селу.

Когда приблизились к первым домам, Александр попросил:

– Можно мне здесь сойти? Хочу к Сикте зайти, рыбой его угостить.

– Хорошее дело. Сейчас приткнусь, где берег пониже. Тут прямо вверх поднимешься, как раз к дому шамана выйдешь, – ответил с кормы Соло.

Александр выскочил с рыбой на плече, за ним Норд.

– Спасибо, мужики! Спасибо за настоящую рыбалку!

– Хвост над дверью повесь! – крикнул Олонко с уносимой течением лодки. – Хвост первой рыбы – над дверью! Понял?

– Понял! – махнул утвердительно рукой.

Он поднялся по тропке на улицу как раз у дома Сикте. Арха тявкнула пару раз, узнала Норда и принялась гоняться за ним, играя. Александр постучал в дверь, вошёл. Сикте дома не было. Александр с минуту раздумывал, потом отрезал кусок рыбы килограмма на три, отыскал в доме тазик, положил в него, и оставил на столе.

Ноша стала легче. Он весело шагал посередине улицы. Солнце приятно припекало, одежда почти высохла, и вообще он радовался жизни. Норд бежал впереди зигзагами, обнюхивая каждый приметный бугорок, тут же «расписывался» на нем и бежал дальше. Он тоже был доволен. В одном дворе перекапывали огород мужчина и женщина. Они издали приметили Александра, мужик подошёл к калитке.

– С рыбалки, что ли? – спросил он.

– Да. Первый таймень! – ответил не без гордости Александр.

Мужик вышел, протянул руку.

– Поздравляю! Меня Григорием зовут. Гриша Анохин.

Александр снял с плеча рыбу, положил на лавочку, представился.

– Ты один, что ли ловил? – спросил Григорий.

– Нет, с Олонко и Соло. Они тоже поймали по таймену.

– Тома! – позвал Григорий жену. – Иди сюда. Представляешь, опять эти хабугайцы всех опередили! И как узнают?

Александр не стал объяснять примету про жука, вовремя поняв, что это профессиональный секрет хабуга.

– Здравствуйте! – поздоровалась женщина. – Ой, какая большущая! А вы тот самый Забда?

– Какой «тот самый»? – не понял Александр, удивившись, что его знают совершенно незнакомые люди.

– Ну, тот самый Змей. Вы же дом у Миши купили?

– Да, я.

– Удача у тебя будет, – сказал Григорий.

Александр отрезал хороший кусок рыбы, подал хозяйке.

– Пусть в вашем доме тоже будет удача! До свидания.

– Доброго пути, Змей! – услышал он вслед.

Раз уж начал раздавать, надо зайти к бабушке Золомпо, решил Александр. Бабуля ковырялась в огороде.

– Здравствуйте, бабушка! Хорошего вам дня!

– Доброго Солнца, Забда! Заходи.

– Я ненадолго. Вот рыбки вам принес.

– Неуж, тайменя поймал? Ай, молодец, ай, Забда!

– Это Первый таймень, бабушка, – не удержался от хвастовства Александр.

– Первая рыба! Счастье тебе будет!

Александр отрезал кусок, подал бабушке.

– Пусть и вам будет счастье! – сказал он и зашагал дальше, теперь к Пасхиным.

Петрович с Михаилом курили на крыльце.

– Издаля тебя наблюдаем, гадаем, что это ты несёшь, – сказал Пасхин.

Александр положил рыбу на крыльцо.

– Ух ты, таймень! – удивился Михаил. – Сам поймал?

Александр скинул куртку, закурил, рассказал про рыбалку.

– Смотри-ка, какие умные ребята, уважают тебя! – сказал Пасхин.

– Почему уважают? – переспросил Александр.

– Они же специально дали тебе Первую рыбу поймать. Ты знаешь, что такое Первая рыба?

– Говорят, она удачу приносит.

– Да тут каждый год целое соревнование! – сказал Пасхин. – Вся деревня за месяц готовится, чуть не каждый день нерестилища проверяют. Каждый хочет взять Первую рыбу. Это же престиж! Как кубок мира! А они тебе эту честь предоставили. Ну, молодцы! Теперь ты герой.

– Я не думал, что это так серьезно, – сказал Александр.

– Очень серьезно! Ты потомок вождя, знак у тебя, на землю предков вернулся, да еще и Первую рыбу поймал! Очень серьезно. Пойдём-ка, отметим это дело.

– Ласик, глянь-ка, Саша первого тайменя поймал! – позвал Пасхин жену.

– Здравствуйте, – поздоровалась она. – С Первой рыбой вас! Праздник-то какой! Сейчас я на стол накрою быстренько.

Мигом появились диковинные закуски. Александр не переставал удивляться ловкости и изобретательности Ларисы. Петрович достал из холодильника запотевшую бутылку.

– С Первой рыбой тебя, Забда!

– Да, ловко ребята твой престиж приподняли, – сказал Михаил, закусывая. – Настоящий первобытный пиар.

– Да брось, они же от чистого сердца, – обиделся Александр.

– Я же сказал «первобытный», значит, бескорыстный. Что я Соло и Олонко не знаю? Они мне дом помогали строить. Даром.

– Что, совсем даром? – удивился Александр.

– Деньги наотрез отказались брать. Я им потом сталь для ножей привёз, на заводе достал. Порох ещё привозил, свинец. Это берут, а деньги нет.

– Наверно таким ножом я сегодня голову таймену отрезал, – сказал Александр. – Как масло режет!

Разговор пошёл о марках стали. Лариса поставила посреди стола сковороду с кусками жареной рыбы, села сама.

– Наливай, Толик, хочу выпить за Первую рыбу, – сказала она.

– Это что, уже таймень пожарился? – удивился Александр.

То ли оттого, что с утра не ел, то ли потому, что это была особенная рыба, или Лариса так сумела её приготовить, но жареный таймень показался Александру необыкновенно вкусным.

– Хочу засолить кусок, чтобы Зою порадовать, – сказал Александр. – Как считаете, засолится?

– Так давайте ж, я и засолю, что вы возиться будете, – предложила Лариса.

Александр отрезал хвост и кусочек на один раз поесть, остальное оставил Пасхиным, с условием, чтобы часть засолили. Кости со стола собрал для Нордика, попрощался и двинулся домой.

На пороге стояла двухлитровая банка солёных грибов. Александр подумал было, что это принесли Олонко или Соло, но потом решил, что вряд ли они после рыбалки сразу понесли ему грибы. Так и не придумав, кто мог быть дарителем, отнёс банку в погреб. Заодно был повод обследовать это хранилище, в которое он до сих пор не нашёл времени спуститься. Погреб находился под домом, вход в него был с веранды, внутри даже включался свет. Норд крутился у открытого люка, нюхал, заглядывал, но спуститься в эту нору наотрез отказался.

Пока Александр наводил порядок в погребе, наступил вечер. День прошёл удивительно быстро. Навалилась усталость, захотелось спать. Уже укладываясь, он вдруг вспомнил про хвост. Снова оделся, отыскал длинный шуруп, отвёртку, и прикрутил хвост точно над серединой входа на веранду. Заснул Александр с ощущением полного удовлетворения прожитым днём.

5

Утром Александр искупался в реке. Вода показалась обжигающе ледяной, но он решил закаляться и дал себе обещание купаться ежедневно. Побрился, надел приличную одежду, взял документы и пошёл в школу. На выходе оглянулся, на рыбий хвост, загордился. Норд сначала неохотно поплёлся следом, потом уселся на дороге.

– Не хочешь со мной идти? Ну, иди домой.

Пёс повернулся и как будто нехотя потрусил обратно.

В школе шли уроки. Из-за дверей были слышны учительские голоса. Александр заглянул в учительскую – пусто. Кабинет директора закрыт. Он вышел, уселся на дощатую скамейку около волейбольной площадки, закурил. Четверо пацанов лет десяти, один русский и трое хабуга, стайкой появились из-за угла школы, увидев его, остановились, стали о чём-то шептаться. Они то осторожно приближались, то в нерешительности останавливались. Александр подумал, что непедагогично курить при детях, вдавил сигарету в песок.

– Что, орлы, с уроков сбежали? – спросил он пацанов.

– Не, у нас первого урока нет.

– А чего же вы пришли?

– Так. Заранее, – сказал один из хабуга, который был явно посмелее. – Скажите, это вы Первую рыбу вчера поймали?

– Да, – ответил Александр, удивляясь, что даже дети его уже знают.

Смелый парень толкнул соседа:

– Я тебе говорил!

– Вас Змей зовут?

– Меня зовут Забда Александр Владимирович.

– Круто! А вы у нас учителем будете?

Такого вопроса Александр никак не ожидал.

– Если возьмут, – ответил он.

– Возьмут! Вас Майя Михайловна точно возьмёт!

– Майя Михайловна – это директор?

– Директриса! Она строгая, – доверительно сообщил смелый. – Но добрая.

– И справедливая, – добавил другой.

Александр подумал, что он не встречал добрых и справедливых учителей, тем более директоров школ, и даже был уверен, что таковые вообще не существуют. В школе зазвонел колокольчик, звук приближался и, наконец, на крыльцо вышла важная девочка с красной повязкой на рукаве и продолжила звонить уже на улице. «Как в моём детстве», – подумал Александр, и пошёл к директору.

– Здравствуйте, Майя Михайловна!

– Здравствуйте, Александр Владимирович! Как хорошо, что вы пришли, а то я сама хотела к вам идти. Поздравляю вас с Первой рыбой! Как вам удалось?

– Потрясающе! – сказал Александр.

– Что?

– Потрясающе! Об этом писали в местной прессе? Папарацци не достигают таких успехов в погоне за «звездами», как местная молва.

– Ну, я же не удивляюсь, что вы знаете, как меня зовут. А вы – знаменитый Забда, да ещё и кавалер Первой рыбы! Присаживайтесь. Вот вам бумага, пишите заявление.

Александр даже растерялся.

– Вы даже знаете, что я пришёл устраиваться?

– Ну, не поздороваться же вы зашли. У нас мало времени, перемена заканчивается. Давайте решим, кем вы у нас будете работать. К сожалению, сейчас конец учебного года. Мы закрыли основные предметы молодыми учителями, попросту, умненькими девушками. Но, как показывает практика, большинство из них уйдёт сразу после окончания года. Сейчас страшно перегружена Валентина Фёдоровна, у неё четыре предмета. Возьмёте у неё историю, хорошо?

– Майя Михайловна, вам известно, что у меня нет специального образования, и высшего тоже?

– Это не страшно, Районо вас примет. Вы же археолог?

– Я увлекаюсь археологией, поэтому интересовался и историей.

– Вот и замечательно! Почитаете, подучитесь сами, и будете учить детей. А ещё как мужчине хочу вам предложить физкультуру и труды. Эти предметы вообще вести некому. По трудам придумаете сами, чем заниматься, сейчас уже поздно, аттестовать по этому предмету не будем. А по физкультуре проведите контрольные уроки по программе и выставьте оценки.

Прозвенел звонок.

– Извините, мне нужно на урок. Вы меня дождётесь? Будет большая перемена, обсудим. А пока, вот, почитайте методички. Найдите по своим предметам.

– Можно я на улице почитаю?

– Курить хотите?

– Да, – признался Александр, и почему-то смутился.

– Только, пожалуйста, не перед окнами. Идите за мастерские, вон туда. Там у нас все злостные курильщики прячутся.

«Строгая, но добрая», – вспомнил Александр слова мальчишки, взял методички и пошёл за мастерские, которые размещались в обыкновенном одноэтажном срубе. Заглянул в окно, рассмотрел верстаки с тисками, больше ничего не было видно. «Ладно, разберёмся», – подумал он, уселся на пенёк и стал листать методичку по физкультуре. Минут через двадцать мозги перестали соображать, так много и сложно, с умными терминами было написано. По трудам ещё запутаннее. Насколько он понял, триумфом обучения труду должен стать табурет. «Всё, как было у нас в школе», – подумал он с грустью, вспомнил, как это было скучно, как сбегали с уроков. Не хотелось подвергать детей той же пытке.

Он поглядывал на часы и подошёл к двери школы в момент окончания урока. Ученики, смеясь и толкаясь, ринулись на улицу. «Затопчут», – подумал Александр, отошёл в сторону.

– Стоять! – крикнул высокий паренёк, растопырив руки в дверях и оттесняя товарищей. – Здравствуйте! Проходите, пожалуйста! – сказал он Александру.

– Здравствуйте! – нестройным хором закричали дети.

– Здравствуйте! Спасибо, – сказал в который раз удивлённый Александр и прошёл в директорский кабинет.

Майя Михайловна была уже на месте.

– Я тут почитал... Скучно! А можно я попытаюсь изменить программу, ну хотя бы по труду?

Директриса улыбнулась.

– Не нравится табурет? Когда я училась, у нас тоже был табурет. Да, грустно. Пробуйте, может, вам удастся придумать что-нибудь, что увлечёт детей. Если не получится, тогда в следующем году будете ваять табурет. А пока держайте!

Договорились, что Александр приступит к работе с понедельника. Майя Михайловна обещала согласовать с остальными учителями расписание, чтобы всем было удобно. Он ещё переговорил с пожилой Валентиной Фёдоровной, выяснил, по каждому классу, до какого параграфа она довела историю, забрал у неё учебники. Она дала несколько полезных советов, рассказала, какие ученики учатся хорошо, какие лентяи, а кто просто слаб. Александр это слу-

шал вполуха, надеясь, что сам по ходу разберётся, тем более что он ещё не видел учеников и не представлял, о ком идет речь.

– Где я живу, вы знаете, – сказала, прощаясь, Майя Михайловна. – Мы с вами разговаривали около моего дома прошлым летом. Помните?

– Да, конечно.

– Если возникнут вопросы, приходите в любое время, не стесняйтесь.

До понедельника было три дня, в течение которых Александр окончательно наладил свой быт, вскопал несколько грядок, посадил зелень. По утрам он купался в реке, ближе к вечеру ходил к Пасхиным, где всегда вкусно обедал, а вечерами читал учебники и пытался представить, как начнёт занятия. Он долго не мог придумать, как одеваться в школу, но потом решил, что надо надеть простую одежду.

В понедельник он явился в школу за полчаса до начала занятий. Переписал себе расписание на неделю, изучил расположение классов и даже заглянул в каждый. За десять минут до звонка в учительской собрались учителя. Все они были женщинами, и кроме уже знакомых Майи Михайловны и Валентины Фёдоровны, очень молодыми. Майя Михайловна представила его, познакомила с остальными. Прозвенел звонок, и Александр с некоторым трепетом пошёл в седьмой класс.

– Пойдёмте, я вас представлю ученикам, – сказала Майя Михайловна.

– Не отвлекайтесь на меня, я сам справлюсь. Тем более, как я понял, меня уже все знают.

– Тогда успеха! – сказала Майя Михайловна и пошла на свой урок.

Александр открыл дверь. Разом грохнули крышки парт, класс встал. Шесть девочек и три мальчика смотрели на него изучающими взглядами.

– Здравствуйте! Садитесь, – сказал Александр. – Меня зовут Александр Владимирович Забда. Я буду вести у вас историю, труды и физкультуру. Сейчас у нас история.

– А правда, что вы Первую рыбу поймали? – раздался звонкий голос с последней парты.

– А почему вас Змеем зовут? – спросил другой паренёк.

– А кто мне скажет, что такое история? – в свою очередь спросил Александр.

Девочка подняла руку:

– Это, как были всякие войны, как цари разные правила...

– История – это летопись событий, – сказал Александр. – Больше всего, действительно, описаны серьёзные события в жизни государств. Но те вопросы, которые вы мне только что задали, тоже касаются истории. Чтобы на них ответить, нужно окунуться в историю моей жизни, в историю моих предков, моего народа, государства, в котором жил в течение жизни я, и историю тех стран, которые влияли на судьбу моих предков. Хорошо, давайте сегодня поговорим о моей истории, – он посмотрел в недоумевающие лица учеников. – Но вы должны будете мне помочь. Согласны?

– Да! – хором ответили ученики.

– Тогда начнём отвечать на ваши вопросы. Да, я добыл первого тайменя в этом сезоне. Но почему все об этом говорят, как об очень значительном событии? Разве другие рыбаки не ловят тайменя? Почему важна именно Первая рыба? И почему именно таймень? А почему в других сёлах никто не отмечает поимку первой рыбы? Кто знает ответы на эти вопросы?

– Таймень – самая большая рыба, поймать её круто! – сказал мальчик с задней парты.

– Это верно. Но если первый таймень меньше, чем второй, ведь всё равно слава достается рыбаку, поймавшему первого. Честно говоря, я тоже не знаю ответа на эти вопросы. Но я знаком с историей других народов и могу предположить, что этот обычай возник в глубокой древности, когда люди считали, что всё на земле живое, что рыбы, деревья, звери, горы могут думать и действовать так же, как и люди. Они были уверены, что это река посылает им рыбу, поэтому просили реку об этом и благодарили её. Они были благодарны самой рыбе за то, что

она пришла к ним, и встречали первую рыбу, как дорогого гостя. Человек, которого Первая рыба удостоила своим визитом, устраивал в честь неё праздник. Это было большое торжество! Люди считали, что потом дух рыбы вернётся снова в реку, к Хозяйке всех рыб и расскажет, как его приняли люди. Тогда Хозяйка решит, посылать ли людям других рыб, или они не достойны этого. Если люди будут плохо обращаться с Первой рыбой, не будет больше рыбы в реке, наступит великий голод, умрут люди. Вот почему такое внимание Первой рыбе, вот поэтому почёт и тому рыбаку, к которому эта рыба пришла. Я думаю, что у хабуга в прошлом были такие же представления.

– Ой, как интересно! – прошептала девочка на первой парте.

– А вы думаете, что рыба правда думать может?

– Я думаю, что может. И считаю, что река может не дать людям рыбу. Плохим людям, – уточнил Александр.

– Да ну, не могут рыбы думать! – сказал недоверчиво мальчик. – У них и мозгов-то нет.

– А мне дедушка рассказывал сказку, как мальчик рыбой стал, и думал, как рыба, – сказал другой.

– Вот вам первое задание, – сказал Александр. – Расспросите своих родителей, дедушек, бабушек, что они знают о Первой рыбе, о том, как раньше встречали Первую рыбу. А ты, – обратился он к мальчику, который говорил о сказке, – расспроси ещё раз дедушку и запиши его рассказ. Мы потом все вместе читаем. Какой был второй вопрос?

– Почему вы – Змей?

– А я знаю! – выкрикнул мальчик-хабуга. – По-нашему Забда – это змея, полоз.

– Правильно, – сказал Александр. – Правда, я сам это узнал недавно. Но это тоже история. История народа хабуга.

И он рассказал, как в древности хабуга поклонялись Змею, что его предки были вождями хабуга и носили имя Змей.

– Вот второе задание, – сказал Александр. – Узнайте у старых родственников всё, что они знают о Змее и запишите. И вообще, у меня к вам предложение. Давайте вместе напишем историю хабуга, историю нашего села? Как вы к этому относитесь?

– Давайте!

– Моя бабушка много знает.

– Отлично. А теперь всё-таки, вернемся к программе. Мировая история не менее интересна. Что было задано Валентиной Фёдоровной?

Конечно, новую тему он не успел рассказать, но не жалел. Зато, похоже, наладился контакт с учениками.

Майя Михайловна составила расписание так, что в один день у Александра были подряд три урока в одном и том же классе. Поэтому он вместе с семиклассниками перекочевал в мастерскую. Здесь было всего два помещения: слесарная и столярная мастерские, и ещё небольшая подсобка для инструмента. Для начала Александр попросил детей навести порядок, а сам сделал тем временем ревизию инструментов, которых было мало, и большинство требовали ремонта.

– Давайте сначала выясним, кто из вас что умеет делать сам, – сказал Александр.

– Я с отцом забор чинил, – сказал один.

– Я маме готовить помогаю.

– Я воду с речки ношу, когда мама стирает.

– А я умею вышивать, – сказала девочка.

– Отлично! Принеси на следующий урок то, что ты вышила. Ты можешь показать, как ты это делаешь?

– Да. Бабушка меня давно учит.

– Значит, на следующий урок все девочки должны принести ткань и цветные нитки. А мальчики принесут из дома затупившиеся ножи, ножницы, топоры. Будем учиться точить инструменты.

– А острогу можно принести?

– Конечно. Несите всё, что нужно точить. И попросите мам, чтобы сшили вам фартуки для работы. Теперь давайте подумаем, для чего нужны уроки труда. Кто знает?

Посыпались ответы, сводившиеся к тому, что нужно помогать родителям.

– А как вы думаете, в древности были уроки труда?

– Нет! Тогда же школ не было. Тогда было классно!

– Ну вот, мы опять вернулись к истории. Да, тогда не было школ, но дети учились, чуть ли не от самого рождения и каждый день с утра до вечера. И учились с усердием. Ведь тогда люди всё делали сами: инструменты, оружие, одежду, жилище.

– А можно было не учиться?

– Конечно. Никто не заставлял. Но такие люди умирали.

– Как умирали? Почему?

– Не смог правильно сделать оружие или поставить капкан, не поймал зверя – семья умрёт с голоду, плохо дом построил – замёрзнет зимой. Женщина сшила плохую одежду или обувь – охотник не догонит зверя, или замёрзнет в тайге, опять голод и смерть. Поэтому все старались как можно больше учиться. И теперь многое нужно уметь делать самому. Правильно я говорю?

– Сейчас можно купить всё что нужно, – сказала девочка.

– Но как же жить, если ничего не умеешь?

– Я возьму у папы деньги и куплю всё, что захочу. Пусть другие делают, у которых денег нет.

– Ну, хорошо, а где ты возьмешь деньги, когда будешь большой? Надо же что-то уметь, чтобы зарабатывать.

– У меня муж богатый будет.

– Ха-ха-ха! – засмеялись дети. – Помазная у нас такая!

«Ах, Помазная!» – вспомнил Александр владельцев магазинов в селе.

– Хорошо, – сказал он, – можешь не ходить на мои уроки, раз не хочешь учиться.

– Правда? И мне ничего не будет?

– Правда. Иди, я тебя отпускаю навсегда.

– А оценки?

– А какие оценки ты хочешь?

– Пятёрки.

– Хорошо, пусть твой папа придёт и купит у меня для тебя пятёрки. Иди!

Девочка поколебалась с минуту, потом забрала сумку и вышла. Класс молчал.

– Что, вы, правда, ей пятерки продадите? – почти шепотом спросил мальчик-хабуга.

– А как вы думаете, поставлю я хорошую оценку тому, кто её не заслужил?

– Не-е-т... – с сомнением сказала девочка.

– Конечно, нет! Это же будет несправедливо! – сказал Александр. – И давайте жить по древним законам: кто лучше охотится, у того и лучшая добыча, а кто ленится – тому голодать. Согласны?

– Да! Согласны!

– Ну а теперь переодевайтесь в спортивную форму, пойдём на охоту.

– Ура!

Конечно, мальчики забыли взять форму. Они просто остались в рубашках, а двое хабуга сняли обувь.

– Так лучше, – сказали они. – Мы всегда босиком бегаем.

– Тогда пошли на площадку, – сказал Александр. – Устроим соревнование на лучшего охотника и лучшую охотницу. Охотник должен быть быстрым, ловким и сильным. Быстрота – это бег.

Александр устроил соревнование, и это было по душе детям. Они изо всех сил стремились перегнать соперников, дальше всех прыгнуть, больше всех подтянуться, больше всех отжаться. Первым все упражнения, припомнив армейский опыт, показывал сам Александр.

– Круто! – каждый раз восхищались ученики, особенно мальчики.

С пацанами было проще. Все трое запросто делали упражнения, хотя подтягивались слабовато. Девочки неплохо пробежали свои шестьдесят метров, прыгали ещё куда ни шло, а на перекладине просто висели. Пришлось с ними повозиться. Александр учил девчонок отжиматься, когда к нему подошёл грузноватый мужчина лет тридцати пяти в кожаной куртке и тёмных очках.

– Здравствуйте, вы новый учитель? Я отец Любы Помазной. Почему вы позволяете себе обманывать ребёнка?

– Я не обманывал вашу дочь. Давайте отойдём в сторонку.

– Вы сказали ей, чтобы я пришёл и оплатил хорошие оценки?

– Я сказал, чтобы вы пришли и попытались купить для неё оценки, потому что она заявила, что ей не нужно ничему учиться, и она может купить любые товары и услуги.

– Тогда мы сможем решить эту проблему? Сколько вы хотите?

Александр был потрясён такой наглостью.

– Таких денег у вас нет.

– Не вам считать мои деньги. Говорите сумму. Не хотите деньги, могу помочь с оборудованием для класса. Моя дочь не привыкла получать плохие оценки.

– Это ваша проблема. Воспитайте дочь, как положено. Теперь, чтобы она получала хорошие оценки, вам придётся заниматься с ней день и ночь, – начал «заводиться» Александр. – Учтите, я веду три предмета. Выбирайте: три двойки в году, или она будет учиться, как все остальные ученики.

– Может, мы всё-таки уладим всё полюбовно? – спросил Помазный.

– Я хочу, чтобы вы и ваша дочь поняли, что не всё продается и не всё покупается. До свидания!

– Слушай, учитель, ты не знаешь, на кого бочку катишь! Ты понимаешь, что ты конкретно попадаешь?

– Что ты шуришься, я могу и в морду дать! – зашипел Александр, чтобы не слышали ученики, и двинулся на родителя. – Прославить тебя на всё село?

Помазный явно не ожидал такого приёма от учителя, попятился, пробормотал ещё раз «Ну ты попал», и быстрым шагом удалился, потом вдруг вернулся и зашёл в школу.

Александр с нетерпением дождался конца урока, объявил победителей, и пока дети переодевались, с жадностью выкурил сигарету за углом мастерской. Затем отыскал лист белого картона и красным фломастером написал: «Лучший охотник 7 класса – Валера Кангу. Лучшая охотница – Лиля Талуга», отнёс плакат в школу, прикрепил на доску рядом с расписанием.

– Соревнование придумали? – спросила подошедшая Майя Михайловна. – Хорошо они у вас работали на физкультуре, я подсматривала со своего урока. Давайте зайдём в кабинет.

– Что за конфликт с Любой Помазной? – спросила она, плотно прикрывая дверь.

– Уже нажаловался? – Александр рассказал о происшествии.

– Так он действительно предлагал вам деньги?! Мне он подал всё иначе. Пообещал жаловаться в Районо.

– На нарушение прав потребителя?

– Что вы имеете в виду?

– Ну, как же: потребитель всегда прав. Он хотел у меня купить товар, а я отказался продавать. Пусть жалуется.

– Помазный опасный человек, – сказала Майя Михайловна. – У него масса нужных людей в районе. Они тут пытаются всех и всё подмять под себя. Я, конечно, вас в обиду не дам, но могу вам обещать, что он так это дело не оставит. Будьте с ним осторожнее. И с дочкой его тоже, – добавила она.

Следующие дни недели были настолько же успешными. Александр знакомился с учениками. Его уроки проходили в дружеской обстановке. Двойки он старался пока не ставить, а на хорошие оценки не скупился. Не то чтобы он пытался подкупить учеников, они ему действительно нравились. Он невольно сравнивал их с теми, которых видел в городской школе, когда учились его собственные дети. Городские были больше индивидуалистами, меньше уважали старших и школьные законы. Здесь же, наоборот, дети были более дисциплинированы, легко «заводились» на интересные общие дела. Вывешенный Александром плакат сыграл роль удивительного катализатора. Во всех классах началось «стахановское движение» за звание «лучшего охотника». Были, конечно, и мелкие проблемы, но он старался не обращать на них внимания, надеясь, что они со временем сами решатся. Люба Помазная, как ни в чём ни бывало, прилежно посещала уроки, и Александр решил, что конфликт исчерпан.

6

В субботу после уроков Александр пошёл к Сикте. Давно его не видел, хотелось посоветоваться, поговорить. Арха, как обычно, залаяла, потом узнала, завиляла хвостом. Александр постучал, вошёл в дом. Хозяина не было. Не зная, что предпринять, Александр сел на порог, закурил, залюбовался цветущим багульником на склоне сопки. Арха подошла, легла у ног. Он машинально гладил собаку, рассматривая нехитрое хозяйство шамана. Двор был прибран, всё лежало на своих местах, но ощущалось отсутствие женской руки. Арха насторожила уши, вскочила, бросилась по тропе в сопку, и через минуту появилась вместе с хозяином.

– Доброго дня тебе, Сикте! – встал навстречу Александр.

– Доброго Солнца! – поздоровался Сикте. – С Первой рыбой тебя, Забда! Спасибо, что поделился.

Александр не стал спрашивать, откуда Сикте знает, что именно он оставил кусок рыбы, он уже начал привыкать, что все чудесным образом всё про него знают. Сикте снял со спины старый армейский вещмешок, стал доставать из него пучки трав и аккуратно раскладывать на крыльце.

– Что это?

– Трава. Людей лечить.

– Ты, наверно, долго учился лечить травами?

– Долго, всю жизнь.

– Где ты берёшь рецепты? Книги есть у тебя?

– Нет. Нельзя записать рецепты для каждого человека Земли.

– Почему для каждого человека? Я думал, что лекарства – от каждой болезни, они подходят всем людям.

– В этом ошибка медицины. Каждого человека нужно лечить индивидуально. У каждого свои причины для болезни, для каждого своё лекарство. Не может быть одинакового лекарства для всех.

– Как же узнать, кому какое лекарство?

– Ты видел, как лечится собака или кошка, или курица?

– Она ест траву.

– Какую траву?

– Ну, я не знаю, что-то находит.

– В том-то и дело, что все звери знают, что им надо съесть, чтобы вылечить конкретное заболевание в конкретный период времени. Они знают. И им не нужно делать анализ этого лекарства и выяснять механизм его воздействия на болезнь. И человек это знал, пока не ушел из Природы. Я чувствую человека, его болезнь сама говорит мне, чем её лечить. Если эта болезнь не является наказанием.

– Что значит, наказание?

– Наказание за нарушение Закона. Тогда не помогут никакие лекарства. Тогда нужно узнать у духов, в чём виновен больной, и что он должен сделать, чтобы исправить свою вину. Тогда приходится камлать. Пойдём-ка чаю попьем, – пригласил Сикте.

– Так ты считаешь, что болезни даются человеку в наказание? – продолжил тему Александр, когда Сикте уселся напротив с кружкой в руках.

– Конечно. У человека нет никаких причин болеть. В нем заложено здоровье, гармония с Природой. И только нарушение этой гармонии приводит к болезни.

– И какое же нарушение надо совершить, чтобы получить рак, например?

– Необязательно рак. У Природы много способов наказать виновного. Предательство Любви – самое тяжёлое преступление! За это духи наказывают весь род преступника. Род

вымирает. Женщины не могут родить детей, мужчины погибают от разных причин. Сейчас много таких семей, на которых прекращается род. Бывает, что такое наказание переходит на детей преступника, и род заканчивается на ни в чем не повинных потомках.

– Да, наверно невозможность иметь детей – самое страшное наказание, – сказал Александр.

– Наши дети – ниточки в плотной ткани жизни. Они должны быть прочными и жизнеспособными, чтобы ткань не прерывалась. Жизнь человечества не оборвётся, если у одного человека не будет детей, но на её полотне исчезнет тот единственный, неповторимый узор, которым обладает каждый человек. У тебя, Забда, хорошие дети. Когда придет твоя дочь?

– Не думаю, что она придет. Мы планировали, что она останется в городе. Ей предлагают аспирантуру, если хорошо сдаст экзамены.

– Приедет, – уверенно сказал Сикте. – Я жду её.

– Откуда ты знаешь?

– Я смотрел. Сын останется в городе, а дочь придет.

– Как ты это делаешь, Сикте? Я до сих пор не могу поверить, что можно угадать будущее.

– Я не угадываю. Все, что происходило, происходит и может произойти в этом мире, все это постоянно присутствует вокруг нас. Это информация, нечто вроде радиоволн. Шаман настраивается на нужную волну и получает необходимые сведения. Так же, как ты включаешь телевизор и смотришь выбранную программу.

– Но почему все люди не могут этого, а только шаманы?

– У каждого человека есть щит, оберегающий сознание от этих волн. Теперь многие пытаются убрать свою защиту в надежде прикоснуться к вселенским знаниям. Это несложно сделать. Но когда щит убран, все мысли людей всего мира врываются в сознание. Такой человек сходит с ума. Бывает, что пьяница с помощью водки делает дырку в своей защите и открывает канал для «чертей», а закрыть его самостоятельно не может – белая горячка называется. Это хорошо, что сознание закрыто от лишних знаний. Пока есть защита, человек ощущает себя личностью. Представь, что в твоём мозгу включили на полную мощность сто телевизоров на разных программах. Сможешь ты нормально мыслить, жить?

– А как же ты?

– Шаман умеет включить одну программу, получить нужные сведения. Но главное, он умеет её выключить и вернуться в себя. Есть люди, способные к этому от рождения, к другим такие способности приходят во время тяжёлых болезней. Некоторым удастся добиться этого обучением, но это долго, трудно, и не у всех получается, – он помолчал, словно обдумывая, стоит ли говорить, потом продолжил: – Твоя дочь имеет способности, она может научиться шаманскому делу, если захочет.

– Она хочет, Сикте. Она мне говорила. Но мы с женой думаем, что ей нужно получить хорошее образование. Что она здесь будет делать?

– Не мешайте ей. Она сама должна выбрать свой путь. Каждый человек топчет по жизни свою тропу. Часть этого пути он проходит со своими родителями, затем продолжает со своим спутником жизни, потом со своими детьми. Нужно выбрать верный путь, не заплутать, не запутать следы. Потомки, чтобы не сбиться с пути в жизненных дебрях, должны, оглянувшись, видеть яркий прямой след, оставленный предком. Ты что, не встречал людей, которым родители поломали судьбу своими «умными» советами?

– Да, бывает. Я постараюсь не мешать дочери. А скажи, Сикте, у тебя дети есть?

– Есть.

– Расскажи.

– У нас с женой было четверо. Один маленьким умер. Сын в тайге пропал.

– Как пропал?

– Медведь забрал. Еще сын есть, на БАМ уехал. Давно. Редко пишет. Два сына у него. Приезжали. Давно...

Сикте надолго умолк.

– Значит, у тебя два внука?

– Ещё дочь была, здесь жила, умерла четыре года назад. Её дети в городе живут. Взрослые уже, приезжают летом с правнуками.

– Это хорошо, Сикте, что приезжают. Радуют тебя.

– Я их не понимаю. Совсем чужие. Шумные. Всё им надо добыть, достать, увезти с собой. Без музыки им скучно. Природу совсем не понимают. Плохо это.

– Да, в городе жизнь другая, поэтому и люди другие. Ты на них не обижайся, Сикте. По твоим законам в городе не выживешь.

– Это не мои законы! Это человеческие законы, – вспыхнул Сикте, – это законы Природы! Не может быть других законов! Не должно быть! Кто живёт не по правилам Природы – зря живёт, неправильно. Неверным путём идёт такой человек!

– Что же, по-твоему, всё человечество неправильно живёт?

– Почти всё. Почти все живут ради денег, ни о чём больше не думают, ничего знать не хотят. Потому всё в мире плохо, что Закон никто не соблюдает.

Старик опять замолчал. Видно было, что он расстроен.

– Не горюй, Сикте, может ещё всё исправится...

– Ничего не исправится! Как может исправиться, если люди в каменных стенах живут, тайгу не видят, горы не видят? Разве придут в голову хорошие мысли, если человек ничего не знает, кроме людей, испорченных людей?! Нет, мои уже не исправятся. Они уже не хабуга... – с грустью сказал Сикте.

Он налил ещё чаю.

– Скажи лучше, Забда, как твоя работа в школе?

– Вот, неделю отработал. Вроде получается.

– Чему детей учишь?

– Истории, труду, физкультуре.

– Это хорошо. Ты, знаешь что, учи их нашему труду, нашей физкультуре. И историю тоже хабуга рассказывай. Пусть знают.

– По истории программа. Там не отступишься. А по труду мне разрешили экспериментировать. Хочу попробовать учить девочек вышивать. А мальчикам покажу, как ножи точить. Больше пока ничего не придумал.

– А ты сам-то вышивать умеешь?

– Видел, как мама крестиком вышивала. Ещё в детстве.

– Сходи к людям, попроси. Помогут.

– Думаешь, согласятся? Да и к кому я пойду? Я никого почти не знаю.

– К той же Золомпо сходи. Она многое умеет. Добрая женщина. Поможет. К Огбэ сходи. Он хоть и старый, зато в молодости лучше него никто бат не мог сделать, своим луком зверя добывал, никакие ружья не признавал, многое умеет.

– Да разве они станут детей учить?

– Попроси. Человеку приятно, когда его умение уважают. Жалко умирать, когда твои знания никому негодились. Детям нужны знания предков, тогда, может быть, они вырастут хоть чуть-чуть хабуга.

– Хорошо, Сикте, я попробую. Скажи, а что значит Огбэ?

– Лось. Его увидишь, сразу скажешь – Огбэ! Сходи к нему.

– Схожу. А ты приходи ко мне. У меня чай хороший есть. Придёшь?

– Приду. Светлого пути!

– Солнечных тебе дней!

Не откладывая, Александр сразу пошёл к Золомпо. Она сидела на крылечке и перебирала семена, готовила для посадки.

– Доброго Солнышка вам, бабушка Золомпо! Можно зайти?

– Удачной охоты, Забда! Заходи.

– Да я не на охоту...

– По тебе вижу, что цель у тебя есть, значит, на охоту. У тебя сейчас глаза охотника, добычу свою преследуешь, потому и желаю успешной охоты. Говори, какого зверя хочешь изловить.

– Я в школе теперь работаю, детей учу. Хочу, чтобы они научились делать то, что раньше их деды умели. Вот, пришёл помощи просить.

– Заходи в дом, чай будем пить, поговорим, – сказала бабушка.

Чай был удивительного вкуса.

– Из чего чай, бабушка?

– Бадан. Листья бадана.

– Очень вкусный! Где же вы бадан берёте?

– Сама собираю.

– Он же высоко в горах растёт!

– Ну и что? Вон ту сопку видишь? – показала она на дальнюю вершину. – Каждую осень туда хожу.

– Но как же вы... Это же далеко и высоко так!

– А ничего, потихоньку. За день до горы дойду, переночую, другой день поднимаюсь, листья собираю, на третий день домой иду.

– А ночуете где? Там зимовьё есть?

– Зачем зимовьё? Так ночую, костёр жгу. Хорошо у костра.

Александр не мог поверить. Он прикинул, что ему самому, пожалуй, понадобилось бы не меньше трёх дней, чтобы сходить на ту вершину. А эта бабушка сама ходит!

– А с кем вы ходите?

– Одна хожу. Раньше с подругами ходили. Все женщины бадан собирали. Теперь старые поумирали, а молодые ленятся. А я хожу. Там хорошо. Молодость вспоминаю, подруг своих вспоминаю, мужа вспоминаю. Хорошо.

– Сколько же вам лет?

– Не знаю.

– Как это не знаете?

– Раньше хабуга года не считали. Когда паспорт выдавали, у меня уже дети были.

– А как же в паспорт дату рождения писали?

– А кто, как скажет, так и писали. Главное, не сколько, а как проживёшь. Так раньше думали.

– И сколько же вам сейчас по паспорту?

– Восемьдесят три, наверное. Говори своё дело, вижу, не терпится тебе.

– Хочу просить вас учить детей делать вот такие вещи, – Александр взял в руки плетёную тарелку. – Можете показать, как это делать?

– Чего же не показать? Покажу. Только это небыстро делается. Сначала надо лозу заготовить. Сейчас ещё не поздно. Можно и бересты надрать, покажу, как посуду из бересты делать. Приводи детей, пойдём сырьё заготавливать.

– Огромное вам спасибо!

– Это тебе спасибо, что хорошему детей учишь. А я покажу, что мне стоит.

Норд бросился навстречу, когда Александр приблизился к дому. Они соскучились друг по другу.

– Дождался, хороший мой пёс! Ну, пойдём, погуляем немного.

Они спустились на берег реки и пошли по галечному пляжу. Александр бросал палку, и собака с удовольствием то неслась за ней в гору, то плыла, преодолевая течение реки. Норд готов был заниматься этим бесконечно. Александр машинально осматривал обрыв. Эта привычка выработалась в археологических разведках, и часто даже мешала, например, когда собирал грибы, а внимание переключалось на грунтовые обнажения, и он уже ничего не замечал, кроме камней необычной формы. Что-то привлекло его внимание, он поковырялся в верхней части обрыва и вытащил обломок сосуда, крупный, толстостенный, явно ручной работы. Александр принялся разрывать почву, потом вернулся домой, взял лопату, линейку, фотоаппарат, и сделал зачистку в обрыве, как того требовали правила. Нашлась еще медная китайская монета и несколько мелких фрагментов того же сосуда, больше ничего. Он помыл находки тут же в речке.

– Повезло нам сегодня, Нордик! Эх, мамы нет...

Он скучал по Зое. Очень скучал! Как он любил рассказывать ей о своих достижениях! А она слушала всегда с интересом, не скрывала своей гордости его открытиями, а большей награды ему было ненужно. И он старался как можно лучше подготовиться к встрече, как можно уютнее приспособить всё в доме и на участке. Сейчас Александр был занят огородом. Копать, хоть и паханную когда-то землю, было трудно, с непривычки болело всё тело. Он часто делал перерывы, во время которых планировал, что ещё сделает. Особенно хотелось завести птицу – кур и уток. Уткам здесь, у реки будет хорошо. От строительства дома остались кое-какие материалы, и Александр прикидывал, хватит ли их на птичник. Так и проводил он свои выходные дни и свободные вечера после школы. А ещё готовился к урокам и думал, как интереснее построить занятия.

В воскресенье с утра пошёл к Огбэ. С расспросами отыскал домик под горой у речки, почти также расположенный, как и у Александра, но старый, покосившийся бревенчатый сруб под тесовой крышей, над которой торчала железная труба. На лай собаки вышла бабушка, пригласила в дом. Огбэ поднялся с кровати, молча пожал руку, указал на стол, мол, садись. Старик был огромного по меркам хабуга роста, по крайней мере, на голову выше Александра, и широк в плечах. Скуластое почти чёрное лицо в морщинах дополняло облик некоего туземного богатыря. «Действительно Лось!» – подумал Александр. Внешность Огбэ дополнялась суровой молчаливостью. Его жена, как это часто случается, была противоположностью мужа – маленькая, худенькая, но очень живая и говорунья.

– Сейчас чайку попьём. Брусничка вот, сахар, – говорила она. – Хорошо, что зашли к нам. Как устроились на новом месте? Нравится тут?

– Хорошо здесь, – ответил Александр. – Зашёл вот, познакомиться, заодно просьба у меня есть.

– Так ты, значит, и есть тот самый Забда, – почти утвердительно сказал Огбэ. – Что же ты из города сюда приехал, в дыру эту?

– Надоело! Надоел город. И почему дыра? Хорошее село. Мне нравится.

– Городские все говорят «дыра». Не врешь, что нравится?

– Зачем? Здесь спокойно. И интересно. Я в школу пошёл работать, учителем.

– Чему учишь?

– История, труд, физкультура.

– Этому дома учить должны. А родители отучают их трудиться, а потом в школе пытаются научить. Неправильно это.

– Это он на внуков-правнуков обижается, – вставила хозяйка. – В городе они у нас живут, ничего руками не умеют. Вот и обижается.

– А ты, Огбэ, я слышал, мастер руками-то работать? – Александр умышленно сказал «ты», памятуя, что хабуга не любят, когда их называют на «Вы».

– Он ещё какой мастер! – поддакнула старушка. – Какие баты строгал – никто таких не делал. Борта в палец толщиной, а то и тоньше. А лыжи до сих пор магазинные не признаёт, сам делает. Раньше-то почти всё село на его лыжах на охоту ходило.

Огбэ стрельнул недовольным взглядом на жену, она тут же умолкла.

– Что ты хотел меня спросить?

– Научи школьников работать руками, Огбэ. Научи делать то, что умеешь ты. Ведь скоро некому будет их учить. Пусть не все, но кто-то из них научится, переймёт твой опыт. Потом они смогут научить своих детей.

– Они не хотят учиться. Родители внушили им, что можно всё купить в магазине.

– Ты ошибаешься, Огбэ, они хотят. Просто ими никто не занимается. А им интересно.

– Ты для чего учитель? Вот ты и учи.

– Я всю жизнь прожил в городе. Кое-что я, конечно, умею делать. Но я не умею делать вещи хабуга. А хочется, чтобы дети хабуга знали то, что нужно знать детям хабуга.

– Болею я, – сказал Огбэ, но было видно, что он больше упрямится. – Давай позже поговорим, летом. Я подумаю.

– Хорошо. Я приду позже, – сказал Александр. – А ты можешь показать мне вещи, которые ты делаешь?

– Всё, что ты видишь в этом доме. И дом тоже.

Александр огляделся. Да, действительно много сделал человек. Но это всё домашняя утварь, а он хотел увидеть что-нибудь особенное.

– Огбэ, я хочу посмотреть твоё охотничье снаряжение. Ну, хоть лыжи покажи.

– Пойдём.

Огбэ тяжело поднялся, и Александр подумал, что старик действительно нездоров. Они прошли в сарай. Огбэ вынул из кожаного чехла широкие лыжи. Это были старые лыжи, много исходившие по таёжным тропам. Но какой на них был узор! Александр залюбовался.

– Это потрясающе, Огбэ! Этим лыжам место в музее! И ты сам это вырезал?

– Почему нет? Раньше все так делали.

– А что это за узоры? Они что-то значат, или просто для украшения?

– Это теперь всё просто для украшения. Как можно что попало вырезать? Тайга – не город, что попало никак нельзя. Вот это – знак доброго пути, этот – Солнце, это Змей, это дух тайги.

– А этот?

– Это мой знак. Тайга видит – я иду, узнаёт меня, пропускает, Река по льду пропускает, Гора не обижается, камень на пути не поставит. Все знают, что я иду.

– И всех так пропускают, кто такие узоры наносит на лыжи?

– Рисунки не причём. Если плохой человек, рисунки не помогут, наоборот Тайга сразу узнает, что плохой идёт. Потому и перестали свой знак на лыжах, на оружии ставить. Закон нарушают, боятся, что Тайга их узнает, тогда не выпустит.

Огбэ заметно подобрел. Видимо ему льстило искреннее восхищение и интерес Александра. Он снял с гвоздя другой чехол, поменьше, извлек из него лук, настоящий лук!

– Ух ты! Дай поддержать!

Александр не мог сдержать восхищения. Это был обычный охотничий лук, но орнамент! Все древко было покрыто искусной резьбой. И тут тоже был Змей, тоже знаки Тайги, Солнца, но были ещё и разные звери, птицы, и даже рыба.

– Хороший лук, – сказал Огбэ. – Давно не стрелял. Ноги уже не те по тайге ходить. А это посмотри, – он подал Александру копье.

– А копье для чего? Я думал, что таким оружием давно не пользуются.

– На медведя. Ружьем медведя добывать нельзя, он обижается, может болезнь наслать. Надо копьем.

– Ты охотился на медведя с копьем? – удивился Александр. – Это же очень опасно!

– Убивать любого зверя опасно. А если его в гости пригласить, тогда он сам идет. Гость разве может быть опасным? Раньше медведя как встречали? Праздник устраивали, кормили его, поили, хвалили, песни пели. Потом голову в тайгу возвращали, подарки оставляли. Медведь доволен был, снова в гости приходил. Теперь разве так? Теперь из ружья стреляют, его не спрашивают. Обижается медведь, не любит людей, встретит, сразу нападает. Плохо! Люди Закон совсем забыли.

– Вот, будешь детям показывать, заодно и Расскажи про Закон, – сказал Александр. – В школе этому не учат.

– А зачем тогда школа?! Зачем такая школа, в которой самому главному не учат?!

– Я-то с тобой согласен, Огбэ, потому к тебе и пришёл. Давай вместе исправлять положение. Помоги, ты много знаешь.

– Ладно, приводи детей.

7

Александр принёс свои находки на урок истории.

– Смотрите, что я нашёл в береговом обрыве. Это очень старые вещи. Вероятно, они принадлежали хабуга. Посмотрите, этот сосуд был сделан вручную, слеплен из глины какой-то женщиной. Возможно, она была прабабушкой кого-то из вас.

– Здорово!

– А у нас на огороде тоже есть такие черепки.

– Принеси. И вообще, ребята, несите всё, что у вас есть старинного. Давайте сделаем в школе музей.

– А у нас на чердаке есть старые вещи. Мама говорила, что там прялка, утюги разные. Но они русские.

– Хорошо, что русские. Неси. Ведь всё это история нашего села.

Весть о создании музея разнеслась по школе. Майя Михайловна на перемене спросила:

– Что вы ещё выдумали? Я слышала о музее, это верно?

– Да. Хочу сделать музей в школе. Как вы считаете?

– Мы об этом давно думали. Но энтузиаста не было. Да и никто не может уложить вещи в историческую канву.

– Я кое-что понимаю в истории местных народов, попробую.

– Дерзайте. Но не слишком увлекайте детей этой затеей. Конец учебного года, нужно чтобы они больше внимания уделяли основным предметам, а девятому классу вообще надо готовиться к экзаменам. А вот лето в полном вашем распоряжении. Будет даже полезно, если вы их займёте на время каникул.

Александр был воодушевлён воплощением новых идей. Дни пролетали быстро и плодотворно. Золомпо и Огбэ с удивительным талантом занимались с детьми, и вскоре многие из них принесли в школу свои, пока ещё неумелые, кривые корзиночки, туески, а мальчишки хвастались своей резьбой по дереву. Все изделия Александр подписывал и выставлял в старых застеклённых шкафах, и, конечно, ставил «пятерки». Он освободил угол мастерской, соорудил там стеллажи, на которых разложил старые вещи, собранные детьми по чердакам. Это был музей.

К удивлению Александра дети не забыли задание о сказках и принесли листочки, испи-санные детским почерком. Всего собралось чуть больше десятка произведений устного фольклора. Александр просмотрел. Здесь были и известные русские сказки, и два варианта сказания о Змее, защитившем народ хабуга, но были и другие, некоторые с глубоким смыслом, а отдельные просто забавные. Александр показал их учительнице литературы Ирине Кирилловне. Она была чуть не в два раза моложе Александра, и у него никак не поворачивался язык, называть её по отчеству.

– Ирина, посмотрите, пожалуйста, мне кажется, это по вашей части. Это своего рода изложения. Я просил учеников выпросить у родителей сказки, и вот, они принесли.

Буквально через час Ирина Кирилловна влетела в мастерскую.

– Александр Владимирович, это просто прелесть! Вы посмотрите, какая мудрость в этих простых, незатейливых небылицах! Вы разрешите мне оставить их у себя? Я попытаюсь их немного обработать, и потом мы устроим чтения. Как вы думаете, это же будет полезно?

Александр, безусловно, согласился, тем более что сам не знал, что с этим сделать.

– А детям, которые принесли эти сказки, я всем поставлю «пятерки». Вы согласны? – спросила учительница.

– Ну, это уж вам решать. Я в литературе не разбираюсь. Думаю, поощрить нужно.

Незаметно пролетел май, уроки закончились. Теперь Александр встречался с детьми в мастерской. Приходили те, кому было интересно. Другие продолжали ходить к Золомпо и Огбэ. Все эти мероприятия были включены в программу летнего пришкольного лагеря. Ирина Кирилловна не забыла своего обещания, и однажды назначила «Чтения народных сказок». Она даже вывесила объявления об этом на дверях магазинов и администрации.

К изумлению Александра, кроме школьников на «чтения» пришло человек пятнадцать родителей, а всего было человек сорок. Поскольку ни одно помещение школы не вмещало столько людей, решили проводить мероприятие под открытым небом. Вынесли стулья, табуреты из мастерской и рассадили зрителей напротив школьного входа. Еще больше удивился Александр, когда пришли Пасхины. Александр подошёл, поздоровался, сел рядом.

– А вы-то зачем пришли? Мы, вроде, для самих школьников это делали.

– Для солидности мероприятия, и для примера другим взрослым, – серьёзно ответил Петрович. – Детей надо поддерживать. И потом, объявление было, значит, надо.

– Как же деток не послушать? – поддержала Лариса. – Они у нас всегда так душевно выступают! Вот, уже начинается...

Крыльцо школы служило трибуной. Ирина Кирилловна сказала вступительную речь, и потом стали выступать юные «авторы».

– Давно это было, – начала срывающимся голосом пятиклассница Леночка Луктэ. – На берегу прекрасной реки жили люди. Река давала много рыбы. Люди ловили её и жили счастливо. Каждое лето Хозяйка Рыб присылала к селу косяки, чтобы люди могли сытно питаться.

Но люди забыли Закон предков, и стали ловить рыбы больше, чем им было нужно. Они съедали только самые вкусные части рыб, а остальное выбрасывали обратно в реку. Хозяйка Рыб увидела это и запретила рыбам подходить к этому селу. Люди ждали всё лето, но рыба не пришла. Наступила лютая зима. Люди стали голодать и умирать. Они умоляли Хозяйку Рыб послать им хоть немного рыбы, но рыба не возвращалась.

Когда все люди умерли, остались только два человека, мужчина и женщина. Тогда Хозяйка Рыб сказала: «Рыбы, идите к тому селу, накормите этих несчастных!»

Много рыб запуталось в сетях последнего мужчины племени. Обрадовался он, но взял только одну, а остальных выпустил. Мужчина и женщина так экономно ели рыбу, что им хватило одной рыбы на всю зиму. Весной Хозяйка Рыб опять прислала много рыбы. И стали мужчина и женщина жить хорошо. И появились у них дети. Со временем на берегу прекрасной реки опять стало много людей, но теперь они всегда помнили Закон, к рыбе относились с почтением и благодарили Хозяйку Рыб. Всё...

Зрители наградили смущенную Леночку бурными аплодисментами. Следующие выступающие были смелее. Ирина Кирилловна довольно искусно выстроила очередность сказок так, что последующие были интереснее и красивее предыдущих.

– Я прочитаю сказку, которая называется «Откуда болезни пошли», – уверенным голосом сказала очередная девочка. Заметно было, что она репетировала своё выступление. – Её рассказал мне мой дедушка. Он говорит, что это не сказка, а правда.

Сначала людей на земле мало было. Со зверями мирно жили. Язык их понимали, разговаривать с ними могли, и с травой и с деревьями тоже. Если еда нужна, попросят Духа Тайги. Дух им зверя под выстрел пригонит, самого молодого и жирного. Когда зверя добудут, обязательно благодарят. Зверю спасибо скажут за то, что жизни своей не пожалел ради благополучия людей, Духу Тайги спасибо скажут за то, что послал к ним зверя, Солнце поблагодарят за то, что всем жизнь даёт. Так было.

Потом людей много стало. Забыли законы, стали бить зверей, почём зря. Набьют целую гору зверей, лучшие куски вырежут, остальное бросят. Вытащат сети, две-три рыбы съедят, остальное на берегу гниёт. Дети малые и те из луков в каждого зверька стреляют ради забавы.

Видят звери – беда пришла, мало их остаётся. Собрались на совет. Все жаловались на людей, особенно маленькие зверушки всякие: лягушки, кузнечики, змеи, муравьи, жуки разные. Им больше всех досталось: топчут, давят их люди без разбору.

– Хватит терпеть! – сказала лягушка. – Теперь если кто лягушку убьёт, у него кожа волдырями пойдёт.

– Правильно! – сказал медведь. – Если медведя убьют без всякой благодарности, пусть у них печень раздуется!

– А за птиц пусть у людей одышка будет! – сказали птицы.

– А за рыб – водянка! – поддержали рыбы.

И так все звери для плохих людей болезни выдумали. С тех пор на земле болезни пошли, а люди перестали понимать язык зверей.

Но травы и деревья не поддержали зверей. Обида у них была: копытные траву поедают, медведи ветки ломают, жёлуди едят, птицы семена склёвывают, рыбы водную растительность пожирают. Не стали травы с людьми ссориться. Наоборот, если человек заболит какой болезнью, выйдет на поляну, крикнет:

– Отзовись, трава от моей болезни!

Нужная трава ему отвечает:

– Выкопай мой корень, свари, болезнь и пройдёт.

Или выйдет больной человек в лес, скажет:

– Чем лечить мне мою боль?

Дерево какое, или куст скажет:

– Сорви мои ягоды, съешь, и здоров будешь.

Ещё долго так жили. Людей ещё больше стало. Закон совсем забыли, почти всех зверей истребили, есть нечего стало. Придумали тогда люди семена есть. Землю пахать стали, травы все свели, вместо них пшеницу посеяли. Лес выжгли, вместо него сады посадили.

Поняли растения, что зря не поддерживали животных, да поздно! Крепко они на людей обиделись и сделали, чтобы люди совсем их язык не понимали. А некоторые травы так обозлились, что ядовитыми стали.

Заболит теперь человек, выйдет, спросит:

– Чем мне лечиться?

Молчит поле, молчит тайга.

Сорвёт человек травку наугад, а она ядовитой окажется.

Теперь человек совсем зверей не понимает, траву, деревья не понимает. Болеет много, травой лечиться не может. Теперь кашу ест, лапшу ест, таблетками лечится.

– Смотри, какие таланты у нас, – толкнул Александра локтем Пасхин. – А смысл! Ты посмотри, какой смысл! – восторгался он, хлопая в ладоши.

– Тихо, Толик, – прошептала Лариса, – собьёшь ребенка!

А с крыльца уже вещала уверенным голосом любимица Александра семиклассница Лиля Талуга.

– Однажды мальчик ел кусочек вяленой горбуши и увидел на нём плесень. Вместо того чтобы соскрести плесень, мальчик с отвращением выбросил кусок. Родители говорили ему, что нельзя выбрасывать пищу, но он подумал, что не стоит экономить, ведь было время хода горбуши, когда её ловили в большом количестве.

На следующий день мальчик отправился на рыбалку. Он считал себя взрослым, и хотел сам добыть крупную горбушу. «Если я поймаю самую большую рыбу, – думал мальчик, – я

стану самым уважаемым среди мальчиков нашего села». Он забросил леску с большим крючком и стал ждать. Вдруг леска дернулась так сильно, что мальчик упал в воду. Он хорошо плавал, но быстрое течение затащило его под корягу, он застрял и не мог выбраться, как ни старался. И вот, когда мальчик уже терял сознание, к нему подплыл огромный Горбыль с крючком в губе. Горбыль сказал:

– Вот так чувствует себя рыба, когда люди вытаскивают её из воды! Ты скоро умрёшь. Но я предлагаю тебе жизнь, если ты согласишься стать горбушей.

Мальчик не хотел покидать своих родных, он не желал становиться рыбой, поэтому отрицательно покачал головой.

– Ну, что ж, – сказал огромный Горбыль, – ты сам выбрал свою судьбу. Некогда мне с тобой разговаривать, – развернулся и поплыл по своим горбушёвым делам.

Мальчик понял, что он сейчас умрёт. Он вдохнул полные легкие воды и закричал:

– Я согласен! Огромный Горбыль, возьми меня в своё племя!

Горбыль вернулся и превратил мальчика в рыбу. Горбуши приняли мальчика в своё племя и прозвали его Мальчик-Плесень. Горбыль оказался вождём. Он приказал Мальчику-Плесени плыть всегда рядом с ним и никуда не отлучаться.

– Сейчас я веду племя к нерестилищам в верховья реки. Это главное дело горбуш, и мы обязательно должны туда дойти.

Они плыли день за днём, преодолевая течение. Мальчик проголодался. Однажды он увидел в воде вкусную пищу, и только хотел её проглотить, как вождь оттолкнул его. Мальчик-Плесень обиделся, но в это время другая рыба схватила пищу и тут же вылетела из воды.

– Она ушла в «верхний мир», её поймали люди, – сказал вождь. – Много наших рыб уйдет ещё к людям, прежде чем мы достигнем нерестилищ.

В другом месте они увидели ноги людей, стоящих на перекате и бьющих рыбу острогой.

– Держись подальше от людей, в самом глубоком месте, – сказал вождь, и они миновали эту опасность.

Однажды Мальчик-Плесень увидел странную траву, преграждающую путь. Он хотел проплыть сквозь неё, но вождь запретил это делать.

– Это сеть, – сказал он, – самая хитроумная ловушка людей.

Вождь приказал своим рыбам спрятаться и ждать. Они долго ждали. Тут мимо них проплыли горбуши другого племени. Они посмеялись над ожидающими:

– Сейчас нельзя терять времени, – сказали они, – мы первыми придём к нерестилищу!

Мальчик-Плесень увидел, как целая стая рыб запуталась в сетях. Пришли люди и забрали пойманную горбушу вместе с сетью в свой «верхний мир». Мальчик слышал, как весело смеялись люди, довольные богатым уловом.

Ещё много опасностей было на пути горбушёвого племени. Их ловили хищные птицы, на перекатах выхватывали когтистыми лапами медведи, ослабевшие горбуши отстали, не одолев водопады. Оставалось всё меньше рыб в племени. Они сильно похудели, их плавники обтрепались, но они упрямо шли к своей цели. И однажды утром горбушёвое племя прибыло в назначенное место. Горбуши разбились на пары, выкопали ямы и стали метать туда икру.

– А что же мне делать? – спросил Мальчик-Плесень у вождя.

– Ты ненастоящая горбуша, поэтому ты не можешь метать икру. Мы сделаем главное дело и все умрём. А ты должен дожидаться, когда появятся наши дети и плыть с ними к морю.

Мальчик видел, как старательно горбуши укрывают галькой свои икринки, потом он наблюдал, как обессиленные рыбы умирают одна за другой. Последним умер Горбыль, вождь горбушёвого племени. Перед смертью он просил Мальчика-Плесень не оставлять мальков. Мальчик поклялся выполнить просьбу.

Тяжёлое время настало для одинокого Мальчика. Он плавал кругами по нерестилищу, отгоняя разных хищников от икры. Потом река покрылась толстым льдом, Мальчику стало

совсем одиноко. Но ближе к весне из икринок выклюнулись мальки, и Мальчику стало веселее. Все вместе они поплыли вниз по реке и через много дней достигли безбрежного солёного моря.

Молодое племя горбуш уплывало всё дальше в океан, разыскивая корм. Мальчик-Плесень, как мог, оберегал мальков от опасностей, а молодые горбуши учили его своим законам и правилам поведения. Так прошло четыре года. Пора было горбушам возвращаться на нерестилище. Опять горбушёвое племя вошло в реку, снова их подстерегали опасности.

Однажды Мальчик-Плесень не увидел в темноте хитроумную ловушку и был пойман людьми. Вынутый из воды, он уже задыхался, когда понял, что его поймали люди его племени. Он превратился снова в человеческого мальчика. Люди узнали его и прозвали Горбушёвым Мальчиком. Горбушёвый Мальчик рассказал людям, как трудна и опасна жизнь горбуш. А когда он стал большим, получил имя Старый Горбыль и стал вождём племени. Он учил людей бережно обращаться с рыбами, как с самым дорогим сокровищем. Люди слушались Старого Горбыля, и жили счастливо на берегах большой реки.

Родители улыбались, а дети откровенно смеялись над неудачными именами персонажей, особенно их веселил «Мальчик-Плесень», но эта сказка получила и самые продолжительные аплодисменты. Последнюю сказку рассказывал шестиклассник Вадик Власов. Видимо, Ирина Кирилловна умышленно оставила эту сказку на заключение. Полненький Вадик, надув щёки и насупив брови, в ролях исполнял сказку-страшилку, которая ему самому очень нравилась.

– Сказка про обман.

Жили в одном таёжном селении люди благополучно, радовались. Но пришла беда, откуда не ждали – поселился неподалёку великан-людоед со своим семейством. И начались беды: то ребёнка украдет, или женщину поймают, а то и охотника подкараулит. Домой добычу притащит, кровь деткам пить даёт, а сам с женой мясо ест.

Посылали люди сильных охотников, чтобы убить людоеда, да погибли охотники – не берёт людоеда ни стрела, ни копьё. Собрались тогда на совет. Долго думали, ничего не придумали. А был среди них один человек никчёмный. Ничего не умел толком: ни зверя добыть, ни рыбу поймать, ни жилище построить, а всё норовил обманом выманить. Вот этот человек и говорит:

– Давайте людоеда заманим к нам в гости, а потом убьём.

Знали люди, что неправдой доброго дела не сделаешь, но лучшего ничего не придумали, решили попробовать – ведь всех истребит злодей!

Послали обманщика к людоеду, чтобы в гости звал. А сами тем временем построили большой дом, на месте для почетных гостей глубокую яму вырыли, туда острых кольев набили, а сверху жердями и травой замаскировали. Большой огонь разожгли, камней огромных в очаг положили. Ждут.

Явился великан-людоед с женой и детьми – всей семьей в гости пожаловали. Хорошо себя ведут, улыбаются, «спасибо» говорят. Люди гостей на почётное место усадили, угощать стали. А как камни в огне накалились, жерди-то и выдернули.

Рухнули людоеды в яму все до одного. Дети пищат, женщина кричит, а людоед рычит:

– Всё равно буду пить вашу кровь!

Люди стали их раскалёнными камнями забрасывать, головнями горящими, а из ямы голос:

– Всё равно буду пить вашу кровь!

Зажгли люди и гостевой дом. Пламя до неба поднялось – стоять рядом нельзя. А из огня голос доносится:

– Всё равно буду пить вашу кровь!

Три дня горело, всё сгорело. Обрадовались люди, что избавились от беды. Яму раскопали, пепел весь собрали, что от злодеев остался, отнесли на высокую гору и развеяли над тайгой по сильному ветру.

Полетел пепел, и каждая его пылинка вдруг мошкой или комаром обратилась. Просто туча мошки! Налетела эта стая на людей, кусать стала, и слышат люди, будто среди гудения мошек слова слышны:

– Всё-ё равно-о бу-ду-у пи-ить ва-ашу кро-о-овь!

Вот так появились на земле комары и мошки.

А люди, хоть и знают, что обманом добра не добиться, а по-прежнему продолжают обманывать. Ничему не научились!

Вадик так старался, изображая людоеда, так грозно выводил его слова, что люди засмеялись и захлопали от души. Пасхин встал, пробрался к школьному крыльцу.

– Дорогие ученики, уважаемые учителя! Вы доставили нам всем необычайное удовольствие и самим исполнением, и замечательным содержанием рассказанных историй. Я живу здесь уже почти тридцать лет, многое, конечно, слышал. Но некоторые сказки меня просто тронули до глубины души. Спасибо вам всем! И хочу попросить всех жителей, помогайте собирать такие истории. Если наберется два-три десятка, я попытаюсь сделать так, чтобы их напечатали отдельной книжкой. Представляете, как будет здорово! Скажи, уважаемый Сикте, что ты думаешь?

Александр обернулся. Оказывается, шаман тоже был среди зрителей, видимо, пришёл позже остальных. Сикте поднялся с табуретки.

– Доброе дело. Нужна такая книга, очень нужна! Люди должны знать старые законы и придерживаться их, чтобы жить в ладу с миром и с собой. Пусть Солнце поможет вам в хорошем деле!

8

Как-то под вечер, когда Александр ладил навес для дров, пришёл Сикте.

– Солнце твоему дому, Забда!

– Здоровья тебе, Сикте! Заходи, посмотри, как я устроился.

Сикте осмотрел дом снаружи и внутри.

– Добрый дом. Долго простоит, – сказал он и добавил:

– Женской руки не хватает. Когда приедет та, которая будет хранить тепло в этом доме?

– Сам не дождусь. Скоро теперь, дней через двадцать. Садись к столу. Чаёк индийский сейчас заварим. У меня есть голец, жареный. Хочешь? – Александр поставил на стол тарелку с рыбой.

– Самловишь?

– Нет. Мне тут чуть не каждый день кто-то приносит то рыбу, то картошку, то ещё что-нибудь вкусненькое. Ты не знаешь кто?

– Люди.

– Понятно, что люди, но я не могу даже спасибо сказать. Плакат, вон, на двери написал с благодарностью.

– Просто люди хотят тебе сделать приятное. Зачем тебе знать?

Александр налил крепкий дымящийся чай, порезал хлеб, и сел напротив гостя.

– Знаешь, Сикте, у меня идея появилась. Что если организовать хабуга, чтобы делали национальные вещи, ну, из кожи, из лозы, из бересты. А можно и одежду, оружие разное с орнаментом. Ведь это можно дорого продать. Я организую продажу, сами сюда приезжать будут. Можно ещё платную охоту сделать с нашими проводниками, можно народные танцы показывать туристам. Разовьём село, от туристов отбоя не будет! Что ты думаешь?

– Пробуй.

– Ты думаешь, получится?

– Пробуй.

Какой-то неразговорчивый был сегодня Сикте. Александр списал это на возможно плохое самочувствие старика. После чая вышли на крыльцо покурить.

– Хорошо тут у тебя. Река разговаривает, – сказал Сикте и снова умолк.

– О чем она говорит, ты понимаешь? – спросил Александр.

– Рассказывает, как день прошёл. Говорит, что лось приходил воду пить, крохали птенцов вывели, черёмуха отцветает на берегах – об этом говорит. Пасхин ко мне приходил, – сказал Сикте вдруг, без перехода. – О тебе говорили.

– Интересно. Почему обо мне?

– Петрович говорит, выборы скоро. Спрашивал, кого на его место выбирать будем. Кандидат называется. Решили тебя.

– Нет, Сикте, я не готов руководить селом. Нет у меня навыков, а главное, не люблю я такую работу. Пусть Пасхин остаётся, он умеет.

– Пасхин больше не может, закон не позволяет. Надо нового выбирать.

– Но что же, кроме меня некого больше выбрать? Неужели нет достойных людей?

– Есть, но они неграмотные, они точно не смогут с бумагами управляться. Ты сможешь.

– Не знаю, Сикте, не знаю... Я ведь тоже не очень грамотный. Взять на себя добровольно такую «головную боль»? Надо бы ещё с Пасхиным поговорить.

– Пойдем, сразу и поговорим. Мне всё равно по пути.

Пошли к Пасхину.

– Петрович в конторе. Видишь, свет горит, – сказал Сикте.

В самом деле, Пасхин был в кабинете.

– А, заходите, гости дорогие! Заработался вот, дела скопились. Вижу, по делу пришли?

– Петрович, что же ты меня не спросив, выдвигаешь мою кандидатуру на выборы? Так не делается! – с обидой спросил Александр.

– Ну, во-первых, я ещё не выдвигал, а только советовался. А во-вторых, кроме тебя и кандидатуры-то нет! Да ты, Саша, не беспокойся, осилишь. Поначалу трудновато будет, поможем, а потом будешь как рыба в воде. Дело-то не слишком хитрое. Делай всё для людей, против совести не иди – вот и все правила.

– А если я не соглашусь? – упрямылся Александр.

– А если не согласишься, будет Помазный-младший. Он уже зарегистрировался, как кандидат и, между прочим, уверен, что будет избран.

– Ах, Помазный! – сделал брезгливое лицо Александр. – Неужели люди его выберут?

– Поскольку противника у него нет, ему достаточно любое число голосов. А явку он пивом и водкой обеспечит. Так что, либо ты, либо Помазный. Я с людьми переговорил. Все хабуга и большинство русских за тебя.

– Да они же меня и не знают даже!

– Знают! Вести по селу быстрее радио разносятся, и хорошие, и плохие. Всё они про тебя знают, даже то, что ты угрожал Помазному морду набить, – рассмеялся Пасхин.

Александр думал. Слишком неожиданное предложение. Он-то мечтал жить в деревне спокойно, наслаждаться, работать в меру сил, чтобы денег на еду хватало. А тут предлагают воевать за должность, потом предстоит нервная работа...

– Давай-ка я тебе, Забда, сказку расскажу, – сказал Сикте. – Вижу, ты старые сказки любишь. Давно-давно, ещё дед был жив, а я совсем молодой был, спросил я у деда, почему люди вождями становятся. Он мне так сказал. Народ – как стрела. Почти все люди составляют древко, они идут туда, куда ведёт их наконечник. Самые умные – это наконечник, их немного, но они способны вести за собой других. Но есть один, самый умный, у которого хватает отваги вести за собой весь народ. Он стоит на самом острие наконечника. Он первым разобьётся о камень, если стрела, ведомая им, промажет мимо цели. Но он первым поразит цель, если верно выбрал направление полёта для всей стрелы! Так мне дед сказал. Народ видит, что ты способен вести людей и просит тебя стать на самый кончик острия. Хватит ли у тебя для этого отваги – решать тебе.

Сердце Александра чуть не выскочило из груди. Перед его взором стоял полуголый шаман Загу и уговаривал его возглавить оборону острова притчей о наконечнике копья...

– Ты что, не в себе, что ли, плохо тебе? – обеспокоено спросил Пасхин. – Неужели так сказка подействовала?

– Всё нормально. Знаю я эту сказку.

– Откуда ты всё знаешь? – удивился Пасхин. – Я ни разу не слышал.

– Я никому и не рассказывал, – сказал Сикте.

– Во сне видел, – серьёзно сказал Александр. – Я согласен! Что нужно делать, Петрович?

– Вот это да! Вот это Сикте! – воскликнул Пасхин. – Я тут полчаса распинаюсь бестолку, умные слова говорю, а он сказочку рассказал, и «клиент на всё готов»! Ну, что ж, пока ничего и делать-то не надо, напиши заявление, вот, форму заполни.

Сикте молча, с легкой улыбкой из полуприщура глаз наблюдал за Александром.

– Что ты так на меня смотришь, Сикте?

– Ты сделал сейчас важный выбор в своей судьбе. Ты выбрал свой путь.

– Вопрос в том, правильно ли я выбрал.

– Разве, выбирая, ты раздумывал? Разве ты искал свою выгоду?

– Нет.

– Значит, ты послушал душу. Это верный выбор, это твой путь! Многие предпочитают выбирать выгодный вариант, и сворачивают на плохую дорогу. Некоторые вообще боятся выбирать, да так и остаются сидеть на перекрёстке жизненных путей, предпочитая выпрашивать подаяние у проходящих. Человек всю жизнь своими поступками пишет книгу своей жизни. На горе предков у тебя будет время почитать её. Надо стараться прожить так, чтобы не было страниц, которые вызывали бы у тебя чувство стыда. Их ведь не вычеркнешь!

Теперь нужно было готовить предвыборную программу. В общем-то, мысли в направлении улучшения жизни населения села зрели давно. Теперь это оформлялось в стройный план. Александр полагал, что в условиях рыночной экономики единственный путь для этого – наладить какой-нибудь бизнес. Когда-то он читал про североамериканских индейцев, приспособившихся к современному образу жизни. Тогда ему не понравилось, что свободолюбивые, как ему казалось, индейцы танцуют перед белыми за деньги. Но теперь это выглядело совсем в другом свете.

Он придумал следующее. Построить в стороне от села хабугайское поселение прошлого века. В почти первобытных жилищах будут работать в определенные дни жители села. Они будут заниматься обычными хабугайскими делами: выделывать шкуры, плести из бересты и лозы, шить национальные одежды и обувь, делать оружие. За всё это они будут получать зарплату. Туристы, а в том, что они будут, Александр не сомневался, будут посещать первобытную деревню за плату. Тут же они смогут купить понравившиеся изделия. Кроме того, опытные охотники и рыбаки могут сопровождать за плату туристов на охоту и рыбалку. Можно будет организовать охоту на кабана, лося, изюбря, медведя. Александр вспомнил свою первую охоту на тайменя и подумал, что тот, кто испытает хоть однажды эти ощущения, непременно захочет повторить их ещё раз и расскажет об этом другим. От клиентов не будет отбоя! А шаманские камлания у костра, несомненно, будут собирать толпы туристов. Насколько он знал, в регионе ничего подобного не делается. Популярность села вырастет, о хабуга будет кричать пресса. Тогда уже и речи не возникнет о рубках тайги в районе села. Хабуга признают самостоятельным народом. Ради этого стоит постараться! Александр решил, что это лучшая предвыборная программа, причём легко выполняемая, и с ней он обратится к людям. Он подумал, что собирать собрание не стоит, лучше говорить с каждым лично. В неофициальной дружеской обстановке за чаем легче найти общий язык. И начал он, конечно, со знакомых.

Пошёл к Соло. Давно не виделся с ним и с Олонко. Запомнил ещё с первой памятной встречи адрес – третий дом от магазина. Во дворе женщина поворачивала на вешалах распластанные тушки тайменей. Их было штук пятнадцать. «Неплохо он порыбачил» – подумал Александр. Рядом с матерью крутились двое ребятишек. Мальчик заметил Александра, шепнул матери.

– Солнце вам в помощь! – поздоровался Александр. – Я Забда. Скажите, Соло дома?

– Солнечных дней тебе! – с полупоклоном сказала хозяйка. – Проходи в дом, там Соло. Она первой вошла на крыльцо, открыла широко дверь перед гостем, прокричала:

– Соло, хороший гость к тебе пришёл, Забда пришёл!

Улыбающийся Соло поспешил навстречу.

– Хорошо, хорошо, что ты пришёл! Заходи, сейчас чай пить будем. А мы с Олонко снасти на хариуса ладим, о тебе говорили, хотели тебя на рыбалку звать.

Олонко поднялся из-за стола, пожал руку.

– Хороший гость в добрую минуту – к хорошему улову! – сказал он, отодвигая на край стола лески, блёсны, кусочки свинца, какие-то пёрышки.

«Вот неразлучные друзья, – подумал Александр, – ни разу их порознь не видел!»

Хозяйка засуетилась у плиты.

- Да вы не беспокойтесь, я ненадолго, просто зашёл поздороваться, обсудить кое-что.
- Какое обсуждение без чая! Садись.

К чаю была подана вяленая рыба, брусника, соленая капуста и бутылка водки.

– Мы по маленькой, – сказал Соло, заметив осуждающий взгляд Александра. – Не каждый день ты к нам ходишь. Это чтобы мысли легко думались.

Брусника была идеальной закуской.

- Расскажи, как поживаешь, Забда? – спросил Соло.

– Хорошо поживаю. Со школьниками занимаюсь, жену жду, скоро приехать должна. Вот, подал заявку на выборы. Поддержите?

– Солнце тебя поддержит! А мы-то уж конечно! За это надо выпить, – Соло наполнил стопки.

- Да не спеши, а то о главном и не поговорим, – попытался остановить его Александр.

- Нормально, как раз и поговорим.

Хозяйка поставила на стол чайник, кружки, сахар. Александр всё-таки выпил, чтобы не обижать хозяев, и сразу налил себе чаю.

– Послушайте, что я придумал, – сказал Александр. – Если меня выберут главой администрации села, хочу наладить жизнь людей по-новому, чтобы богаче стали.

И он рассказал свою программу.

– Вы оба – непревзойденные рыбаки. За каждую рыбалку с туристами вы можете получить столько денег, что сможете купить себе по мотоциклу. Как вам такая идея?

Соло с Олонко молчали. Олонко потянулся за сигаретой, Соло налил ещё по рюмке.

– Классная же идея, мужики? Вся жизнь пойдёт по-другому! – Александр сам был в восторге от своей задумки. – Ну, что вы молчите? Это же золотая жила! Вместо каждого тайменя – мотоцикл! Соло, как ты к этому относишься?

Соло отвел глаза, поднял стопку.

- Давай лучше выпьем, – сказал он.

- Вы что, обиделись? Может, я что-то не то сказал?

- Я этим заниматься не буду, – сказал Соло.

– Но почему?! Ты сможешь отремонтировать дом, учить детей, всё что хочешь! И делать-то ничего особенного не нужно. Так же будешь ходить на рыбалку, только за деньги.

- Вот именно, – сказал Олонко.

- Что «вот именно»?

– Вот именно, за деньги. Ты, Забда, не обижайся, но я тоже не буду. Может, кто-то другой согласится.

Александр залпом выпил свою стопку.

- Ничего не пойму! Ну объясните же мне, почему вы отказываетесь?

- Таймень – священная рыба, – сказал Соло, – обидится.

- Ну, давай предложим туристам ловлю другой рыбы, – сказал Александр.

- Река обидится, – сказал Олонко. – Совсем удачи не будет. Я уж лучше без мотоцикла...

- Но вы же брали меня на Первую рыбу! Почему нельзя взять другого человека?

- Ты – наш. Другой – чужой. Тебе мы хотели приятное сделать.

- А другому нельзя приятное сделать?

– Приятное за деньги знаешь, кто делает? – усмехнулся Олонко. – Приятное за деньги только проститутки делают! Мы Закон нарушать не будем, Забда, поищи других для такого дела.

Обескураженный Александр вернулся домой, и до самого вечера ничем не мог заняться. Разговор с Олонко и Соло не выходил из головы. Было грустно.

На следующий день были занятия детей у бабушки Золомпо. Александр пошёл к ней. Девочки наперебой хвастались своими достижениями в плетении. Изделия у них действительно стали получаться, и Александр удивлялся, как можно было за такой короткий срок научиться столь сложному делу. Дождавшись, когда Золомпо объяснила каждой ученице задание, Александр попросил:

– Давайте отойдём в сторонку, хочу с вами посоветоваться.

Они присели под навесом для дров.

– Скажите, Золомпо, вы можете шить одежду, такую как раньше шили?

– Конечно, могу. Раньше все женщины своих мужей одевали, обували, и детей тоже.

Раньше магазинов-то не было. Да и лучше наша-то одежда в тайге.

– А вы можете сшить, например, одежду вождя, очень красивую?

– Конечно, Забда! У меня и кожи есть выделанные, отбелённые. Как раз тебе на костюм хватит. Сошью я тебе одежду – залюбуются все!

– Да я не о себе. Другому человеку вы можете сшить?

– Как же другому? Разве у нас есть другой вождь?

– Нет. Вы только не обижайтесь на то, что я вам сейчас скажу. Я предлагаю вам шить одежду на продажу. Это очень дорого стоит. Вы за каждый костюм будете получать столько, сколько пенсии за год получаете. И шкурами мы вас обеспечим.

– Как же может другой человек носить одежду вождя? Только вождь это может! Нельзя это!

– Ну, пусть не вождя. Просто красивый праздничный наряд хабуга.

– Нет, – односложно ответила Золомпо, и как-то сразу погрузилась, замкнулась.

– Я же просил вас не обижаться...

– Я не обижаюсь на тебя, Забда. Ты хотел мне добро сделать. Не надо мне.

– Но почему? У вас вон крыша скоро завалится. А за одну одежду можно будет новую покрыть.

– Я как-нибудь так проживу...

– Хорошо, я отказываюсь от своего предложения. Но объясните, почему вы не хотите? Ну, хотя бы тарелки берестяные плести? Если бы женщины села могли делать такие вещи на продажу, через два года всё село под золочеными крышами стояло бы.

– Я тебе скажу, если сам не понимаешь. Как ты думаешь, можно красивую вещь без души сделать?

– Конечно, надо вкладывать свои чувства, чтобы хорошо получилось...

– Вот то-то! Чтобы сделать хорошо, надо вложить свою душу. А как потом продавать то, что сделано с душой? Душу продавать нельзя. А без души плохие вещи будут, никто их не купит. Да и не умею я без души работать. Неправильные у тебя мысли.

– Да я же как лучше хотел...

– Не подходит мне это. Поговори ещё с людьми, может, кто и согласится. Пойду я к девочкам, надо им кое-что объяснить, а то неправильно сделают.

Александр понял, что разговор окончен, попрощался. Решил всё-таки зайти ещё к Огбэ, хотя уверенности в успехе уже совсем не осталось.

Огбэ сидел на обрывке шкуры прямо на земле и что-то вырезал маленьким ножичком. Он с кряхтением поднялся навстречу Александру.

– Удачи тебе в делах, Огбэ!

– Пусть Солнце укажет тебе верный путь, Забда!

– Что это ты делаешь?

– Лук. Ты прошлый раз хвалил мои вещи, вот я и взялся. Человеку приятно похвала.

– Что же ты на охоту с луком собрался?

– Нет, стар я уже. Это Сикте попросил.

– Сикте?! А он разве до сих пор с луком охотится? Он же ещё старше тебя!

– Нет, он не себе.

– А кому?

– Сам у него спросишь.

Александр повертел в руках изящно изогнутое древко лука, посмотрел узоры, начатые Огбэ.

– Здорово! Красиво у тебя выходит. Вот, я к тебе по этому поводу и пришёл. Сможешь много таких луков сделать? Я хочу наладить сбыт всевозможных изделий хабуга за очень большие деньги. Ведь такие вещи никто больше не может делать. Очень много заработать можно. Как ты на это смотришь?

Огбэ долго смотрел прямо в глаза Александру.

– Я тут тебя давно просить хочу, – сказал он, – продай мне свой амулет. Я, видишь, старый, болею, он мне здоровье даст. Любые деньги проси, что хочешь, только продай!

– Да ты что, Огбэ! Как я могу продать амулет? Это же знак вождя, он мне по наследству достался!

– Ты ещё молод, ты можешь прожить и без амулета. Новый себе сделаешь, подумаешь, деревяшка. А мне очень надо! Дом продам, что хочешь сделаю, только продай!

Александр растерялся. Он не хотел обижать старика, но отдать амулет тоже не мог.

– Ну, что, продаёшь?

– Извини, Огбэ, не могу. Не обижайся, пожалуйста. Что хочешь другое, даром отдам, только не амулет. Давай я лучше тебе с деньгами помогу на лекарство...

– Ладно, забудь! Хорошо, что отказался, а то я уж думал голосовать на выборах против тебя. Что же ты мне предлагаешь продавать то, что мне дорого?! Духи мне дают вдохновение, чтобы получались красивые вещи, чтобы люди радовались, чтобы я радовался. Как можно радость продавать? Это всё равно, что жену продавать. Выброси из головы эту идею. Плохие мысли.

– Но я же хотел, чтобы люди жили лучше.

– Лучше – не значит богаче! Ты что думаешь, хабуга не могут заработать себе машину, красивую одежду, видеоманитофоны? Запросто! Медведя любой хабуга убить может. За желчь медведя, за лапы знаешь, сколько денег дают? Хабуга никогда за деньги медведя не убьют. Хабуга не хотят иметь много лишних вещей. Они хотят просто жить, охотиться, рыбачить, и главное, жить по Закону. Закон обмануть нельзя – предки всё видят. Как потом, когда к ним придёшь, в глаза им смотреть будешь? Хочешь, совет дам? Никому из хабуга больше не предлагай такое. Обидишь людей! Хорошо, что ко мне пришел, никто больше не знает. Никому не говори. Теперь чай пойдём пить.

Александр не стал говорить, что он уже обидел Золомпо, Олонко и Соло. Ему было стыдно. Он из уважения попил чаю с карамельками, поговорил с Огбэ о ничего не значащих вещах и попрощался. Ему не терпелось встретиться с Сикте.

Сикте занимался травами, связывая их в пучки и подвешивая над навесом.

– Мир твоим мыслям, Забда! Подожди немного, сейчас закончу, пойдём чай пить.

– Сикте, помнишь, я говорил тебе о моей идее, чтобы хабуга делали вещи на продажу?

– Помню, конечно.

– Никто не соглашается! Я не могу уговорить людей.

– И не уговоришь.

– Но ведь это чистая прибыль! Американские индейцы только этим и живут. И неплохо живут!

– Индейцы продали за деньги душу своего народа. Они больше не индейцы. Они – американцы!

– Так ты знал? – догадался Александр. – Ты знал заранее, что у меня ничего не выйдет с этой затеей?

– Знал.

– Но почему ты мне сразу не сказал?

– Это твой путь. Ты должен был сам убедиться. Теперь ты понял, что у народа хабуга есть душа, и они не собираются её продавать.

– Но я ведь не для себя старался! Я хотел, чтобы люди хоть немного могли заработать. Неужели, хабуга совсем не нужны деньги?

– Нужны, конечно, но не такой ценой. Деньги делают богатым лишь человеческую гордыню, но они отнимают душу. Это хорошо, что так получилось. Теперь ты лучше понимаешь свой народ.

– Хорошо хоть, что я не выступил с этой идеей перед всеми жителями села, как с предвыборной программой. Это был бы полный провал!

– Судьба ведёт тебя по верному пути. Слушай своё сердце, и всё у тебя будет правильно.

– Но что я теперь могу предложить людям? Я ведь должен предложить что-то лучшее, новое, что радикально изменит их жизнь.

– Новое – не всегда лучшее. Хабуга хотят жить по старым законам. Предложи им это. Если сможешь так сделать, будешь настоящим вождем.

Александр собрался, было уходить, но вспомнил про лук.

– Сикте, ты собрался охотиться с луком?

– Кто тебе сказал?

– Старый Лось делает лук, сказал, что ты попросил. Красиво делает!

– Твоя дочь скоро приедет, это оружие для неё.

– Для Ирки? Зачем ей лук?

– Ей пригодится. Потом узнаешь

– Всё ты загадками говоришь. Нельзя прямо сказать?

– Не всё полезно знать наперед. Придёт время, всё тебе известно будет.

9

Зоя приехала неожиданно. Как предсказывал Сикте, вместе с Зоей приехала и Ира. Ещё два дня назад в телефонном разговоре Зоя сообщила, что Юра и Ира успешно защитили дипломные работы, и что дипломы выдадут через месяц. Александр припозднился в школьной мастерской, разбирался с новыми экспонатами музея, которые принесла мама одного из учеников. Когда вышел из школьного двора, подошёл автобус из района. Александр уже прошёл мимо, когда сзади услышал родной голос:

– Саша! Сашенька!

Его как током ударило. Обернулся – к нему шли жена и дочь, волоча тяжёлые сумки. Он бросился к родным, обнял, расцеловал, забрал сумки. Все вместе одновременно возбуждённо говорили. Пассажиры автобуса улыбались, глядя на них. «К Забде жена приехала, с дочерью», – сказал кто-то.

– Как это вы приехали? Почему? Я и не надеялся, что так быстро! Пойдёмте скорее домой!

– Папа, а где же Нордик? Я так по нему скучала!

– Сейчас увидишь своего Нордика. Он вообще от дома не уходит. Охраняет. На самом деле, я подозреваю, что он обрёл своё счастье, и ему больше ничего не нужно. Целыми днями на пороге лежит, или под деревом, когда жарко, – рассказывал Александр, шагая с сумками посреди улицы. – У меня столько новостей, здесь так много событий. Хочу вам всё рассказать. Как же вам удалось приехать пораньше? Ты что, не стала диплом получать, дочь?

– Все нормально, папочка! В порядке исключения, в связи с переездом на новое место жительства выдали раньше срока. Это Светлана Викторовна помогла. Кстати, она тебе привет передавала.

Норд исполнил пляску восторга, носясь кругами и повизгивая от счастья, затем бросился обнюхивать сумки.

– Сейчас, моя собачка! – приговаривала Зоя, распаковывая багаж. – Сейчас! Мы же специально для тебя гостинец привезли.

Александр вынес полотенца.

– Сходите на речку, ополоснитесь. Водичка – во! Я каждый день купаюсь, – не удержался он от похвальбы. – А я сейчас вас кормить буду.

Он быстренько поставил на электроплиту чайник, стал выставлять на стол деликатесы, порезал вяленого тайменя.

– Ого! Неплохо ты здесь без нас живешь! – удивилась Зоя. – Откуда у тебя такие богатства?

– Представляете, всё дарёное. Люди приносят, даже не знаю кто. Кроме тайменя. Его я сам поймал. Это Первая рыба! Вы знаете, что такое Первая рыба?

Они долго не могли наговориться, делясь своими радостями. Зоя рассказала, что Юру пригласили работать в фонд «Дикая природа».

– Он же собирался в какую-то крутую фирму. А в этом фонде наверно, ничего и не платят? – спросил Александр.

– Зато там интересно, – сказала Ира, уплетая солёного тайменя. – Ему обещают экспедиции по всему региону.

– А как его Люся?

– У неё же каникулы, сейчас к родителям уехала. А вообще, всё у них отлично. Люська – молодец! Им теперь без нас в квартире классно будет. Юрка собирается ремонт делать, – рассказывала Ира. – Ну, ладно, родители, вам и без меня есть о чем поговорить, а я схожу к Сикте.

– Ира, куда ты на ночь глядя? Темнеет уже, – попыталась остановить её Зоя.

– Он ждёт меня, – сказала Ира.

– Чего бы он тебя ждал, если даже папа не знал, что мы приедем?

– Я чувствую – ждет! У нас с ним связь. Я не очень долго.

– Пусть идёт, – сказал Александр. – Сикте при каждой встрече о ней только и говорит.

Все спрашивает, когда дочь приедет.

– А ты разве знал, что Ира со мной приедет?

– Знал.

– Откуда? Она же должна была в городе остаться, – удивилась Зоя.

– Сикте сказал.

– Ну вот, я же говорю, он меня ждёт! Он всё знает. Пока, родители!

– Фонарик возьми, Ира, – сказал Александр.

– Не маленькая, так дорогу найду.

– Упрямая! – сказала Зоя. – Всё по-своему делает. Такую работу ей предлагали! Нет, «поеду и всё»! Не знаю, что она здесь делать будет.

– Пусть, раз хочет, – сказал Александр. – Поживём – увидим. Куда ей спешить – ни мужа, ни детей. Пускай пока занимается тем, что ей интересно.

– Вот в том-то и дело, что мужа нет. Надо же и о будущем думать.

– А то мы с тобой в её возрасте о будущем думали? Здесь тоже парни есть. Все само сладится.

Александр проспал всё на свете! Так сладко он здесь ни разу не спал, и теперь чувствовал себя полностью счастливым, прижавшись к любимой жене в собственном доме на берегу реки посреди тайги. Впереди их ждала счастливая безоблачная жизнь с радостными заботами и интересными делами.

Этот день он решил посвятить семье. Показывал Зое дом, участок, кедр, который посадил в первый день, грядки, и всё рассказывал и рассказывал о произошедших событиях и планах на будущее. Договорились вечером пригласить в гости Пасхиных. Зоя взялась готовить праздничный обед.

Ирка, вернувшаяся от шамана после полуночи, проспала дольше всех.

– Вы не представляете, как обрадовался мне Сикте! Мы с ним так интересно разговаривали. Он мне лук подарил! И стрелы. Лук такой красивый! А стрелы с пёрышками и острыми-острыми наконечниками. Сикте будет меня учить стрелять.

– Ира, зачем тебе это? Стрелять – не женское дело, – сказала Зоя.

– Мне нужно. Я должна добыть зверя!

– Ирочка, ты сможешь лишить жизни животное?

– Я должна! Это очень нужно. Но я ещё не знаю, что это за зверь.

– Какой кровожадный, оказывается, этот Сикте, – сказала Зоя. – Зачем нужно учить девочку таким жестокостям? Не нравится мне всё это.

– Да пойми, мама, это очень важно! Мне нужно сделать бубен. Из чего я его сделаю, из твоей юбки, что ли?

– Ира, не груби матери! Объясни лучше толком, – прикрикнул Александр.

– Хорошо, слушайте, только не ругайтесь, а то вы сейчас начнёте... Я буду шаманом. Не надо, мамочка, это уже решено. Шаману нужен бубен, без него ничего не выйдет. Теперь мне надо узнать, из кожи какого зверя делать бубен. Я должна голодать и смотреть сны внимательно. Во сне ко мне придёт тот зверь, который будет моим покровителем в шаманстве. Из его шкуры и нужно сделать бубен. Я сама пойду на охоту и добуду этого зверя! Вот так, теперь я голодаю, и не соблазняйте меня всякими вкусностями.

– Саша, надо поговорить с Сикте, – сказала Зоя. – Представляешь, если ей тигр или медведь приснится! Надо, чтобы он отменил эти глупости. В конце концов, шкуру можно купить.

– Нельзя купить, мама, что ты говоришь! Купленный зверь не может стать моим покровителем, он только зло может принести. Зверь сам должен решить, добровольно.

– Не паникуй, Зоя, пока ещё ничего не случилось. Сикте не дурак. Да и сон ещё не приснился.

– Вот именно, не приснился! – не могла успокоиться Зоя. – А что если он не приснится еще неделю или месяц? Ты язву хочешь голодом заработать? И что, обязательно идти на охоту с допотопным луком? Можно же взять займы у кого-нибудь хорошее ружьё. Что за блажь такая? Он обращается с нашей дочерью, как с мужиком...

– Ладно, Зоя, успокойся, никто её на медведя одну не пустит. Ничего пока не случилось.

– Успокоил... – укоризненно сказала Зоя и ушла в дом.

– Лук-то покажи, – попросил дочь Александр.

– Он у Сикте остался. Я же там учиться буду. Я тебе потом покажу.

– Я его видел ещё недоделанным. Его старик Огбэ делал по заказу шамана. Ладно, дочь, удачи тебе! Пойдём, теперь я тебе покажу наши владения.

Ближе к полудню неожиданно пришла Лиля Талуга.

– Александр Владимирович, вас бабушка Золомпо зовёт.

– Что случилось, Лиля?

– Ничего не случилось. Просто она сказала, чтобы вы к ней пришли, когда у вас будет время.

– Спасибо, Лиля. Сейчас пойду. Зоя, я схожу ненадолго, заодно к Пасхиным зайду, приглашу их на ужин.

Золомпо стояла у открытой калитки и смотрела на приближающегося Александра.

– Хорошего вам здоровья, Золомпо!

– С доброй вестью тебя, Забда!

– Спасибо. Какая же это весть?

– Как ты спрашиваешь? Жена к тебе приехала, дочь приехала! Разве не хорошие вести? Сам-то вон, какой веселый!

– Да, да, конечно. Я-то думал, у вас для меня есть новости.

– И у меня есть. Проходи в дом. Я уж и чай заварила.

Александр уселся за стол, придвинул к себе кружку с чаем. Он не хотел спешить с вопросами. Если сама позвала, значит, скажет, когда придёт время.

– Как девочки занимаются, делают успехи? – спросил он.

– Хорошие девочки, всё у них получается. Вот, посмотри сам, – Золомпо стала выкладывать перед Александром берестяные туески. – А вот этот Лилечка Талуга сделала, у неё лучше всех получается. Настоящая женщина хабуга будет.

– У неё всё лучше всех выходит, – сказал Александр.

– Восемь девочек у меня осталось, остальные ленятся, видно.

– Пускай. Насильно не нужно заставлять.

– И верно. Зато эти всё уметь будут – настоящие хабуга!

– А что, русские все перестали ходить?

– Ходят две, Тоня Соловей и Маша Неверова, умницы.

– А вы говорите «хабуга».

– Эти тоже настоящие, как хабуга. Хорошие жёны будут. Спасибо тебе, Забда, что надумил меня этим заняться. Приятно мне. Вот, с берестой и лозой закончим, буду учить одежду шить. Попрошу рыбаков, чтобы осенью шкуры кеты мне принесли. Будем настоящую одежду хабуга делать.

– Это что, из рыбьей шкуры одежду? – удивился Александр.

– А вот, я тебе сейчас покажу.

Золомпо достала из шкафа свёрток, развернула.

– Ну-ка, примерь!

Александр ахнул! Роскошная рубаха-халат светло-оранжевого цвета со стоячим воротником была богато украшена по рукавам, краям бортов, по низу, вокруг шеи искусным цветным орнаментом в виде переплетающихся растений, рыб, зверей. А на спине, на уровне лопаток извивался Змей в чешуе с поднятой головой и высунутым раздвоенным языком. Кожа была очень тонкой и нежной на ощупь.

– Вот это, да! – только и мог сказать Александр. – Это вы сами сделали? Потрясающе! И это рыба кожа? Никогда бы не подумал, что она такая мягкая!

– Ты надень, надень! Видишь, как тебе идет? Глянь-ка.

Она принесла зеркало, поставила на лавку, облокотив краем о стол. Александр надел халат. Костяные застёжки на правом боку начинались от самого ворота.

– Скажи-ка, нравится тебе? Это тайменя шкура – очень хорошая!

– Да просто слов не нахожу. Здорово!

– А на-ка, штаны надень. Да не смущайся, меня ли стесняться, старая я уже. Отвернусь я.

Александр снял свои брюки и натянул кожаные. Они были в пору. Завязал на поясе сыромятные ремешки, оправил рубаху. Штаны не доходили до щиколотки. Нижняя часть штанин тоже была красиво расписана.

– Ну, как? – спросила Золомпо.

– Красиво! Коротковаты только.

– Так надо. Хабуга всегда так шьют. Потому что обувь такая. Примерь, – она подала невысокие кожаные сапожки, украшенные бисером. – Унты это. Летние. Из лося. Их на голую ногу одевают.

Александр надел. Обувь была мягкая и точно по ноге.

– А халат поясом подвязать надо, – сказала Золомпо и подала плотную тряпичную полосу, сшитую из нескольких слоёв грубой ткани, один конец которой был раздвоен в виде рыбьего хвоста, а на другом, закруглённом, была нарисована рыба голова с большими круглыми глазами. – Ну, вот, теперь только голову покрыть. Нагнись-ка.

Золомпо сама обвязала голову Александра расшитым платком так, что он закрывал затылок и свисал сзади до плеч, сверху надела кожаную шапочку с беличьим хвостиком на макушке. Александр покорно выполнял все команды бабушки, почему-то ощущая себя ребёнком.

– Ну-ка, глянь в зеркало. Вот ты – воин! Вот ты Вождь хабуга теперь!

– Как вы такое сделали?! – восхищался Александр, разглядывая себя в зеркале и не узнавая. – Этому костюму место в музее!

– Этому костюму место уже есть. Это твой костюм.

– Как мой? Я не могу, я не возьму!

– Я для тебя шила, Забда, – с укором сказала Золомпо. – Ты Вождь. Тебе его носить. Пусть люди видят тебя издалека.

– Но... Чем же я смогу вас отблагодарить за такой подарок?

– Зачем благодарить? Ты вернулся, ты с нами! Этого достаточно.

Александр пытался ещё что-то сказать, но Золомпо жестом остановила его.

– Не надо лишних слов. Тебе нравится – носи. В этом наряде ты сделаешь большие дела для хабуга. Иди, жена ждёт тебя.

Золомпо дала Александру большой полиэтиленовый пакет для его прежней одежды.

– Ай-ай! Чуть не забыла, совсем старуха стала! – запричитала она. – К этому наряду ещё вещи полагаются. На вот, вешай на пояс. Это справа, а это с левой стороны.

Она подала по очереди два ножа в кожаных чехлах – один прямой, другой с изогнутым лезвием, и кожаный, расшитый бисером мешочек с затягивающейся завязкой.

– Ножи вы тоже сами делали? – удивился Александр.

– Нет, что ты! Это не женское дело. Это Огбэ ковал, точил, рукояти делал. Для тебя специально.

– А мешочек этот для чего?

– Потом кремёнь добудешь, кресало сделаешь, огневой гриб свариишь, засушишь – чистый Огонь всегда с собой будет. Светлой дороги тебе, Забда!

Александр был потрясён. «Отказалась плести туески за деньги, а костюм, который прямо сейчас можно продать за тысячу долларов, подарила просто так, – размышлял он по пути к Пасхиным. – Где теперь встретишь такое? Так могут поступить матери по отношению к своим детям, или влюблённые. Но совершенно чужой человек... Столько дней трудиться, стараться, вкладывать душу – и отдать просто так. Стоп! Вкладывать душу – вот ключ! Она вложила душу, поэтому подарила, она не могла продать. Это мне урок. Мудрая бабушка Золомпо!»

– Саша, ты ли это?! – прервал его размышления Пасхин. Он окликнул Александра из двора Бориса, подошёл, снял с головы сетчатую маску.

– А я гляжу, гляжу – не пойму, что за Чингачгук Большой Змей? С обновой тебя! Повернись-ка... Ух ты, Змей какой! Ну, ты теперь настоящий вождь! В таком костюме лицом в грязь никак нельзя. Кто шил-то, Золомпо небось?

– Как ты угадал?

– Она мастерица у нас. Да и равнодушна она к тебе.

Из глубины двора подошёл и сам Борис, тоже в маске, поздоровался.

– А что это вы делаете? – спросил Александр.

– Да, вот, Борису помогаю с пчёлами.

– Заходи, посмотришь, – сказал Борис.

Александр прошёл. За домом, у дальней ограды участка стояли ульи, над ними тучей вились пчёлы. Борис склонился над открытым ульем, вытащил рамку.

– На-ка, надень, – сказал Пасхин, подавая маску, – а то пчёлы тебе быстро парадный вид испортят.

Александр натянул сетку на лицо и с опаской подошёл поближе.

– Ух ты, сколько их! – удивился он. – А что это за шишечки?

– Это расплод, личинки.

– А мёд где?

– Мёд в июле будет. Если липа зацветёт, – ответил Борис, окуривая пчёл дымом.

Александр с интересом наблюдал за действиями пасечников. Они уверенно производили какие-то операции в вихре ядовитых насекомых, от одного жужжания которых Александру хотелось бежать, и это смахивало на колдовство.

– Здорово вы с ними управляетесь, – сказал Александр.

– Нравится? – спросил Пасхин. – Заводи себе. Полезное дело!

– Да я же не умею. Я первый раз так близко пчёл вижу.

– Научишься, – сказал Борис, – дело нехитрое. Я по глупости сразу десять ульев купил. Разбогатеть думал. Первый осмотр делал, они меня, как бог черепаху изуродовали. Спалить хотел!

– Как спалить?

– А что, рожа распухла, глаза не открываются, руки не сгибаются... Думал, сожгу всех к чёртовой матери. Потом отлежался, опять к ним полез. А они интересные, умные, оказываются. Теперь без них не могу. Не из-за мёда. Нравится мне это занятие. Нервы успокаивает.

– А ты ко мне, что ли шёл? – спросил Пасхин.

– Да. Хотел в гости вас с Ларисой пригласить сегодня вечером. Ко мне же Зоя с Ирккой приехали.

– Да уж знаем, – сказал Пасхин. – Придём, раз приглашаешь.

- Борис, ты тоже приходи.
- Нет, я лучше с пчёлками... Не люблю я застолья с некоторого времени.
- Ну, ладно, пойду к Зое, похвастаюсь костюмом. Удачи вам.

Норд коротко взлаял при приближении Александра, видимо не узнав его в новой одежде, но тут же извинительно завилял хвостом, стал обнюхивать кожаную обувь. Ира домывала порог. Она разогнулась на лай, обернулась и выронила тряпку. Эмоции помимо её воли меняли выражение лица. Она сделала несколько шагов навстречу отцу, опустилась на колени, подняла руки к небу и очень серьёзно сказала:

– О, Солнце! Укажи Вождю хабуга верный путь, по которому он должен вести свой народ! Мудрых решений тебе, Забда! Пусть твой внутренний мир соответствует твоей одежде!

Александр ожидал от Ирки чего угодно, только не этого. Это были слова умудренной жизненным опытом женщины хабуга, но никак не его дочери, которую он по привычке всё ещё считал ребёнком. Но ребёнок тут же прорвался наружу:

– Мама, мамочка! Иди скорее, смотри, кто к нам пришёл! Да брось ты эту картошку, иди скорее!

Она бросилась в припрыжку к отцу, обняла его, стала ощупывать одежду, восхищаясь и тархтя без умолку. Зоя вышла из дома и тоже бросилась к мужу.

– Саша, как тебе идёт! Какая красивая одежда! У тебя даже лицо изменилось. Откуда это?

– Бабушка Золомпо подарила.

– Я хочу, чтобы ты всегда так ходил! – сказала Зоя.

– Ну, нет. Это парадный костюм. Буду одевать по особым случаям.

Но в этот день Александр так и не снял костюм вождя. Он всегда не любил парадные одеяния, но эта одежда придавала ему уверенности и чувства собственной значимости.

За ужином все опять говорили ему комплименты. Потом разговаривали о жизни в селе, строили планы. Лариса советовала Зое, что и как посадить на участке, какую завести живность. Александр с Пасхиным вышли перекурить.

– Тебе, Саша, пора ехать в краевую избирательную комиссию. Регистрироваться надо.

– Это аж в город тащиться? – загрустил Александр. – Я уж думал, что совсем туда больше не поеду.

– Что поделаешь, такой порядок. Я подготовил нужные бумаги. Но без твоего личного присутствия никак нельзя. Ты уж выбери время, и в ближайшие дни смотайся. Это необходимо.

Когда ушли гости, Александр с Зоей ещё долго разговаривали, планировали, какую птицу завести в первую очередь, мечтали о яичнице от собственных кур. Уснули поздно.

Норд разбудил остервенелым лаем. У дома фырчал мотоцикл.

– Кого чёрт принес в такую рань? – выругался Александр, выбираясь из теплой постели.

Одеваясь, бросил взгляд на часы – не такая уж и рань, половина десятого. Вышел. Борис сгружал улей из коляски.

– Привет, Борис! Ты чего это?

– Берись-ка. Тяжёлый, зараза.

Александр помог снять второй улей.

– Ты зачем их привез?

– Тебе. Живешь среди леса, как без пчёл?

– Да Боря, я же не понимаю в них ничего. Зачем ты...

Борис прошёл по участку, огляделся.

– Давай здесь поставим. Тут с утра солнышко, а днём, когда жара, как раз тень будет. Давай, давай! Дело хорошее. Радость доставляет. Научишься.

Они установили ульи на кирпичи.

– Дня три-четыре не открывай, а то старая пчела обратно ко мне слетит, – объяснял Борис. – Потом придёшь, я тебе покажу, что делать, книжки дам почитать. Ты мужик с головой, разберёшься.

Он махнул рукой, завёл мотоцикл и уехал. Александр стоял растерянный рядом с гудящими ульями. Зоя вышла, поёживаясь, в халате.

– Саша, кто это приезжал?

– Мы с тобой вчера мечтали о домашней птице? Вот, уже завели. Хоть и мелкие, зато много.

– Это что, пчелки? Они же нас кусают!

– Не кусают. Мёд будет.

– Почему ты мне не сказал, что договорился?

– А я не договаривался. Борис сам привёз. Он считает, что нам без пчёл никак нельзя.

– Но это же денег стоит!

– Ничего это не стоит. Такие здесь люди.

Через три дня Александр открыл летки ульев. Пчёлы с жужжанием вылетели все разом, но против ожидания, никого кусать не стали. Через полчаса они успокоились и начали выносить из ульев мусор и даже носить пыльцу. Александр, Зоя и Ирка с опаской наблюдали за работой насекомых.

– Вот и пусть живут, – сказал Александр. – А я завтра, пожалуй, поеду в город.

10

Четырнадцать часов в автобусе, с пересадкой в районе показались Александру безмерно нудными. Город ошарашил грохотом и дымом. Остановился у сына. Проговорили почти до утра. Юра был очень доволен работой в Фонде дикой природы. Он уже выезжал с короткой экспедицией в заповедник, начал писать программу для экологического мониторинга. Особенно много он рассказывал о небольшом коллективе, все сотрудники которого были энтузиастами сохранения природы, а главное, дружными и интересными людьми. Люся всё ещё была у родителей. Юра спешно заканчивал ремонт к её приезду.

Утром, оба не выспавшиеся, вместе вышли из дома. Юра поехал на работу, а Александр в краевую избирательную комиссию. Процедура регистрации заняла два часа. Александр, хоть и устал от заполнения анкет и прочих бумаг, но был рад, что всё закончилось так быстро. Первым делом купил билет на автобус, который отходил завтра утром. Прошёлся по магазинам, выполнил заказы Зои и Ирки.

Город изменился за это время. Мелкие магазинчики, в которых раньше Александр покупал нужные вещи, теперь уступили место шикарным супермаркетам, известные ему проходы были загорожены заборами строек, асфальт тротуаров заменялся брусчаткой. Становилось красиво и... дорого. Город, как ненасытное чудовище, пожирал деньги с невообразимой скоростью. Александр пересчитал оставшиеся рубли, все-таки зашёл в книжный и купил две книжки по пчеловодству. Делать больше было нечего, а до конца рабочего дня, когда Юра вернётся домой, было ещё много времени. Решил зайти к Гамохе, тем более что его дом был неподалёку.

– Александр Владимирович! Какая приятная неожиданность! – обрадовался философ. – Проходите, проходите. А я, знаете ли, недавно вспоминал вас. Сейчас я чайник включу. Есть хотите?

– Знаете, хочу. Вроде перекусил на улице, а в желудке пусто.

– Вот и замечательно! Вы меня выручите. Вчера дочка была, наготовила мне всего. Мне это за неделю не съесть. Ну, вы же расскажите, как вы там устроились.

Александр улыбнулся. Было приятно вновь видеть старого товарища. Своей подвижностью, энтузиазмом, сверкающими глазами Гамоха с лихвой компенсировал неуютность холостяцкого жилища. Он с искренним интересом слушал рассказ Александра, периодически вставляя свои замечания и восклицания.

– А как там ваш шаман? Вы, надеюсь, поддерживаете с ним отношения?

– Сикте молодец! Бодр и здоров, людей лечит, Ирку мою учить своим премудростям взялся.

– Замечательно! Замечательно! А мне крайне необходима его консультация. Я ведь продолжаю развивать свою теорию. Но, знаете ли, ощущаю острую нехватку информации от первоисточника.

– Петр Иванович, так поехали со мной. Я еду завтра утром.

– Эх, с удовольствием поехал бы! Но, завтра, к величайшему моему сожалению, не могу. На кафедре дела. Я из-за этого с Алексеем на раскопки не поехал.

– Ну, приезжайте, когда освободитесь. Сведу вас с шаманом. Приедете?

– Чрезвычайно вам благодарен! Приеду непременно.

– Так что, Наумов на раскопках?

– Уехал неделю назад. Сокрушался, что вас с ним нет.

– Опять на Дымова?

– Да, конечно. Решил докапывать. Там же материал бесценный!

– Боюсь я за них, – сказал Александр задумчиво. – В прошлый раз, можно сказать, нам всем повезло.

– Может, в этом году всё будет по-другому. Ведь возможно, что связь времен теперь не сработает, как вы считаете?

– Не знаю. Пока Змей живет на Острове, он не допустит осквернения древних жилищ.

– Почему вы говорите «остров»? Ведь Дымова – полуостров.

– В горинское время это был остров, – Александр улыбнулся своим воспоминаниям. – Вопреки авторитетным утверждениям Воробьева.

Попрощались очень тепло.

– Мне, знаете ли, жаль, что мы теперь редко можем видеться, – сказал Гамоха.

– Мне тоже. Но ведь вы к нам приедете?

– Непременно! И возможно, очень скоро. Передавайте мой нижайший поклон Зое Николаевне.

Дома до возвращения Юры Александр успел ещё позвонить Светлане Викторовне.

– Я рада вас слышать, Александр Владимирович! Как вы устроились на новом месте? Не жалеете, что расстались с городом?

– Мы город даже и не вспоминаем, – Александр коротко рассказал о своей жизни.

– А как там Ирина?

– Учится у шамана. Она в нём души не чает. Сейчас голодает, ждёт вещего сна. Учится стрелять из лука, чтобы убить зверя-покровителя и из его кожи сделать бубен. Мы с Зоей, честно говоря, не знаем, что и думать.

– Знаете что, Александр Владимирович, постарайтесь не мешать ей. До сих пор все сведения о шаманизме носили, так сказать, описательный характер. То есть, ученые наблюдали со стороны, расспрашивали, записывали. Если Ирине удастся «влезть в шкуру» шамана, она получит бесценные научные данные. Передайте ей от меня пожелание успеха.

Юра принёс мясо и приготовил замечательное жаркое.

– Будем праздновать нашу встречу, – сказал он.

Выпили по стопке водки и снова засиделись допоздна. Александр поймал себя на мысли, что разговаривает с Юрой не как с сыном, а как со старым другом. Им было о чём поговорить.

Обратный путь оказался незаметным. Пока ехали по асфальту, Александр с увлечением читал про пчёл. Когда началась тряска по грунтовке, он спрятал книгу и скоро уснул крепким сном. Поездкой Александр остался доволен.

Ирка по-прежнему почти ничего не ела. Уговоры Зои ни к чему не приводили.

– Саша, ну поговори ты с ней, ведь язву заработает! – жаловалась Зоя.

– Не трогай её. Своими уговорами ты только вызываешь у неё ещё большее упорство. Ничего с ней не будет. Похудеет.

Между тем, Ира заявила, что дома ей мешают видеть сны.

– Я буду спать на чердаке! – сказала она.

Александр слазил на чердак, на котором ещё ни разу не был, и обнаружил, что там довольно уютно и, против ожидания, нет никакого хлама. Он затащил туда матрас, постелил его на лист фанеры.

– Жилище для шаманки готово! – объявил он дочери. – Бери простыни, одеяло и смотри свои сны. Там так хорошо, сам бы спал.

– Спасибо, папочка!

Наутро Ирка ворвалась в дом, когда родители ещё спали.

– Ура! Я видела! Я же вам говорила, что на чердаке лучше! Я увидела своего зверя!

– И кого же ты увидела? – спросил Александр.

– Представляете, вижу, что иду по лесу. Ёлки вокруг, темно. Вдруг что-то рыжее среди ветвей. Присмотрелась – тигр!

– Ира, ты с ума сошла со своими голодовками! – воскликнула Зоя. – Я же говорила, это до добра не доведёт!

– Да подожди ты, мама, дай рассказать! Я смотрю на него и мне совсем не страшно. А он как будто сказать мне что-то хочет. Потом повернулся и ушёл за деревья. И вдруг оттуда, куда он ушёл, выскакивает косуля, с рожками. И эта косуля выходит прямо на поляну, где я стою. Остановилась, смотрит прямо на меня и говорит: «Я твой бубен! Я буду тебе помогать и охранять от злых духов. Так мне Хозяин тайги приказал. Через три дня мы встретимся». И всё. И я проснулась. Мамочка! – бросилась Ирка обнимать мать. – Так здорово! Я так есть хочу! Сейчас поем, и сразу к Сикте. Надо ему всё рассказать.

– Слава Богу! – сказала Зоя, накинула халат и пошла на кухню. – Саша, у нас масло растительное кончается. Может, ты сходишь?

– После завтрака схожу.

– Вместе пойдём, папочка!

Ирке не терпелось. Она шла вприпрыжку. Александр еле поспевал за дочерью.

– Смотри, папа, – сказала Ира, когда они поднялись на улицу, – твой конкурент уже начал предвыборную агитацию.

Столбы вдоль улицы были обклеены плакатами двух типов. На одном синими буквами было напечатано: «Мой девиз – каждому жителю села работу и достойную зарплату! Голосуй за Помазного», на другом плакате младший Помазный улыбался, обняв жену и дочь на фоне своего особняка, подпись гласила: «Помазный – твой выбор!».

– Пусть потешит себя, – сказал Александр.

– А ты будешь людей агитировать? – спросила Ира.

– Терпеть не могу эти предвыборные бумажки. Люди сами видят, кто чего стоит.

Ира пошла к шаману, а Александр за маслом.

В магазине Александра удивила необычно большая очередь. Александр поздоровался.

– Дефицит привезли, что ли? – спросил он. – Никогда не видел в нашем магазине столько народу.

– Помазный цены снизил, – ответил кто-то.

Александр протиснулся к прилавку. На каждом товаре красовались отпечатанные типографским способом ценники, которых раньше вообще никогда не было. На каждом ценнике цена была наискось перечеркнута красной чертой, а ниже стояла новая, на три-пять рублей дешевле.

– Это, по какому же поводу он расщедрился? – спросил Александр.

– А вон, смотри, – показал пальцем мужик из очереди на плакат, приклеенный над дверью.

«Я люблю своих земляков!» – улыбался с плаката Помазный. Ниже крупными буквами: «Голосуй ЗА!».

– Ну, что ж, воспользуемся любовью кандидата, – сказал Александр. Его смешила активная назойливость этого торгаша. Он попросил кого-то из очереди, кто стоял поближе, купить ему бутылку масла и, получив своё, двинулся домой.

Ещё издали он узнал Ларису Пасхину, идущую навстречу.

– Здравствуй, Лариса Ивановна!

– Здравствуйте! Вот, объявления расклеиваю. Вы ещё не читали?

– Нет. А что за новости?

– Компания «Кедр» и администрация района собирают сельский сход. Будем обсуждать лесоразработки в районе нашего села. Послезавтра в двенадцать часов у конторы.

– А Петрович где?

– Да в конторе ж. Ещё печатает объявления, а я пока эти расклею.

Александр завернул в администрацию. Пасхин одним пальцем старательно, с размаху нажимал клавиши старой пишущей машинки.

– Привет, Петрович!

– А, Саша, здравствуй, дорогой! Вот, вспотел, полдня печатаю. То там ошибку сделаю, то в другом месте. Иной раз, знаешь, идет, как по маслу. А иногда двух слов без ошибки не наберу. Столько бумаги перепортил...

– Давай, я попробую.

– А ты умеешь?

Александр довольно быстро и, главное, без ошибок напечатал текст по рукописному образцу, выкрутил из каретки три экземпляра.

– Пойдёт?

– Спасибо, выручил, а то я замучился. Да, чуть не забыл, звонил... сейчас посмотрю, – он вытащил из стола бумажку, – вот, Гамоха Пётр Иванович. Просил сообщить тебе, что приедет в пятницу.

– О, Гамоха едет! Отлично! Интересный человек, философ. Хорошо, встречу. А что ты, Петрович, думаешь по поводу схода?

– Да ничего не думаю. Соберёмся, обсудим.

– Но, наверно, надо подготовить людей?

– Люди у нас не дураки, чего их готовить? Сами всё понимают. Я предпочитаю, чтобы всё было по-честному, как положено. Пусть народ сам думает и сам решает. А вот тебе стоит подготовиться, скорее всего, тебя попросят высказаться. Так что продумай, что говорить будешь.

– Ладно, подумаю.

Зоя обрадовалась, что приедет философ.

– Он такой замечательный, я очень хочу с ним встретиться! Надо что-то вкусненькое приготовить. И надо придумать, где он будет спать.

– Ладно, Зоя, всё сделаем. Сейчас мне надо с пчёлками позаниматься.

Он часа четыре провозился с двумя ульями, чрезвычайно аккуратно вынимая каждую рамку, внимательно осматривая, срезая трутневый расплод. Пчёлы возмущенно гудели, защищая родовое гнездо, и в самом конце одна все-таки ужалила. Александр стерпел острую боль, рамку не выронил, поставил в улей, и лишь потом вытащил жало. Рука распухла сначала немного, а через час отек распространился до локтя. Зоя запричитала, не зная, как помочь мужу, но он сказал «само пройдет, привыкать надо». Он был доволен, что у него всё получилось, сидел под деревом, курил и наблюдал за пчёлами, которые тут же начали наводить порядок в потревоженном доме.

Следующий день Александр почти весь провёл в школьной мастерской. Хотя и были каникулы, на работу он обязан был ходить. Он делал деревянную рукоять для старинной сабли с клеймом Уссурийского казачьего войска, которую подарил музею один из родителей, как семейную реликвию. Александр шлифовал твёрдую древесину, а из головы не выходили мысли о том, что он должен сказать на сходе. Он проговаривал разные варианты речи, и все они казались напыщенными или наоборот слишком примитивными. Он покрывал рукоять лаком, когда вошла директриса.

– Здравствуйте, Александр Владимирович! Смотрю, дверь открыта, решила взглянуть, чем занимаетесь.

– Заходите, Майя Михайловна. Вот, смотрите, какая сабля! А вот тут клеймо, ещё с ятами. Дореволюционная. Вы, наверно, и не знали, что у нас учатся потомки казаков?

– Прекрасная вещь! Вы здорово придумали с музеем. Теперь мы можем проводить уроки истории нашего села.

– Да, история села вырисовывается интересная. Если она вдруг не оборвётся...

– Вы про лесоразработки?

– Про них. Весь день думаю, как людям объяснить, что лес лучше, чем зарплата.

Директриса молчала довольно долго, разглядывая вещи в витрине, потом сказала:

– А вы знаете, не думайте, забудьте об этом. Выкиньте всё из головы. Слова сами придут, когда будет нужно. Зато они будут из души, от сердца. Это и будет лучшая речь, которая отзовется в людях. Я всегда так поступаю в затруднительных ситуациях.

Александр готов был согласиться с Майей Михайловной, но мысли вновь возвращались к сходу. Он решил посоветоваться с шаманом.

Старик сидел на крыльце, поглаживая собаку. Его морщинистое лицо, освещённое вечерним солнцем, было непроницаемо спокойно, хотя было ясно, что он издали заметил Александра.

– Доброго тебе вечера, Сикте! – поздоровался Александр.

– Спокойствия твоему разуму, Забда. Садись рядом, закат смотреть будем.

Александр уселся на крыльцо, достал сигарету. Ему вдруг стало неудобно прерывать задумчивое созерцание шамана своими вопросами. Солнце приближалось к вершине сопки медленно, величественно, резкие тени делали рельеф земли четким, краски менялись на глазах.

– Ты будешь на сходе? – спросил Александр.

Шаман молчал, не отрывая взгляда от светила.

– Ты думал, что скажешь людям? – снова спросил Александр.

– Смотри на Солнце. Что оно сейчас делает? – вопросом на вопрос ответил Сикте.

– Светит.

– Верно. Оно сейчас делает то, что должно делать сейчас. А если бы оно нервничало по поводу того, что завтра, может быть, оно не сможет осветить всю Землю? Что было бы?

– Ты такие вопросы задаешь... Наверно, были бы солнечные вспышки.

– Ты умный человек, Забда. Правильно, если бы Солнце волновалось по поводу завтрашних дел, оно бы плохо сделало свою работу сегодня. Живи сегодня, делай то, что нужно сделать сейчас, а завтра будешь делать то, что нужно будет завтра. И чаще смотри на Солнце.

– Знаешь, Сикте, примерно такие же слова час назад мне сказала директор школы.

– Чтобы учить других, мало иметь знания. Она мудрая женщина.

Солнце коснулось сопки. Шаман, не отрывал от него глаз, пока оно не скрылось полностью.

– Иди домой, Забда и ни о чем не заботься. Придёт необходимость, и ты сделаешь то, что должно. Сейчас тебе предстоят другие дела. В ближайшее время ожидай гостей.

– Я ожидаю. Спасибо.

– Так ты знаешь? – прищурился Сикте.

– Средства связи позволяют необязательно шаманить, чтобы узнать, кто к тебе едет, – рассмеялся Александр. – Спасибо тебе, Сикте. Доброй ночи!

На душе стало спокойно. Александр шёл быстрым шагом, поёживаясь от вечерней прохлады, и отмахиваясь от налетевших комаров. Теперь он с удовольствием думал о встрече с философом. Около администрации стоял чёрный джип. Около него Пасхин разговаривал с хорошо одетыми мужчинами, а вокруг них постоянно перемещался с заискивающей улыбкой Помазный-младший. Александр прошёл не останавливаясь.

11

На ужин Зоя напекла блинов. Ира с восторгом рассказывала, как Сикте учил её стрелять из лука, и как это у неё получилось. Норд дислоцировался под столом, кладя морду на колени то одному, то другому, и от всех получая кусочки блина. Вдруг он взлаял и кинулся к двери. Послышался рокот машины.

– Ира, придержи Норда, – попросил Александр и вышел.

У крыльца остановился тот самый джип. Из него вышли двое в чёрных костюмах, белых рубашках, один из них открыл переднюю дверь машины. Появился третий, видимо, босс. Заметив Александра, он заулыбался.

– Здравствуйте, уважаемый Александр Владимирович! Я не ошибся, вы Александр Владимирович Забда?

– Да. Здравствуйте, – ответил Александр, озадаченный визитом неожиданных гостей.

– Отлично! – сказал жизнерадостно босс. – Позвольте от компании «Кедр» преподнести вам скромный подарок.

Он подал знак, и один из сопровождающих вынул из багажника и поднёс Александру новенькую оранжевую бензопилу. Одного взгляда было достаточно, чтобы определить, что инструмент был высокого качества, профессиональный, и очень дорогой. Александр растерялся.

– Наверно, вы меня все-таки, с кем-то путаете... Я не работаю в «Кедре», и не сделал для этой фирмы ничего хорошего.

– Если руководство компании решило сделать вам этот подарок, значит, вы его заслуживаете. Берите, берите, пригодится. Вы ведь ещё не обжились толком на новом месте, дрова на зиму нужно будет заготавливать. Прошу вас, Александр Владимирович!

– Но... Нет, я не могу принять столь дорогой подарок. Тем более, я не знаю, чем я его заслужил.

– Ну, тогда, может быть, вы пригласите нас войти? Хотелось бы обсудить с вами некоторые перспективы нашего сотрудничества. Вы уж простите нас за столь поздний визит.

– Проходите, – сказал Александр, полностью сбитый с толку вежливой настойчивостью гостей.

Он чудом успел поймать за ошейник Норда, вырвавшегося из двери.

– Проходите в дом, я собаку придержу. Зоя! – крикнул он. – К нам гости!

Норд хрипел от ярости. Пришлось оттащить его от крыльца и привязать. Когда Александр вошёл в дом, Зоя с Ирой, растерянно улыбаясь, стояли с яркими букетами роз, а босс рассыпался комплиментами.

– Зоя Николаевна, Ирина Александровна, вы позволите нам немножко поговорить с вашим мужем и отцом? Мы ненадолго изменим ваш вечерний распорядок. Прошу вас!

– Да, да. Я сейчас приготовлю чтонибудь... – сказал Зоя.

– Не беспокойтесь, пожалуйста, у нас всё с собой.

При этих словах один из молчаливых помощников открыл кейс и стал извлекать марочный армянский коньяк, шоколад, конфеты и даже маленькие изящные стопки...

Александр подошел к Зое.

– Вы пока погуляйте, я думаю это недолго, – сказал он вполголоса.

– А кто это? – шепотом спросил Зоя.

– Из «Кедра».

Зоя с Ирой тихонько вышли.

– Вы совершенно правильно поступили, Александр Владимирович. Мужчинам легче решать серьёзные дела, когда их не отвлекают красивые женщины. Прошу вас, попробуйте

коньячок. Исключительный продукт! Сколько раз приходится его пробовать, и всегда испытываю непередаваемое наслаждение. За наше успешное сотрудничество, – он протянул свою стопку.

Александру пришлось чокнуться. Коньяк был действительно приятный, хотя Александр не считал себя ценителем. Он оторвал крупную виноградину, посмаковал давно забытый вкус.

– Такое значительное предисловие должно предварять серьёзный разговор? – спросил он.

– Как приятно разговаривать с умным интеллигентным человеком! – улыбнулся босс. – Не зря местное население выбрало вас своим лидером и кандидатом. Я не сомневаюсь в вашей победе на выборах.

– Ну, я не один кандидат...

– Ах, перестаньте... Помазный – быдло! Он дальше своих магазинных прибылей не видит. Его место в шестёрках, это видно невооруженным глазом.

– И что же вы от меня, такого умного, хотите?

– Видите ли, мы люди бизнеса, и хотели бы честных взаимовыгодных отношений с вами, как с человеком разумным и современным. Вы, конечно, знаете, что наша компания будет вести лесоразработки в районе села. Могу вам сказать прямо, этот вопрос уже решён на высшем уровне и ничто работе фирмы помешать не может. Но мы не хотим идти на прямую конфронтацию с той незначительной, но всё же имеющей место быть частью людей, которые против лесозаготовок. Существует некий номинальный свод правил, которые нужно соблюсти, своего рода игра в демократию. Завтра состоится сельский сход, на котором жители села должны выразить своё отношение. Ещё раз повторяю, от мнения схода ровным счётом ничего не зависит. Но наше руководство старается такие вопросы разрешать как можно более мирно. Собственно, задача состоит в том, чтобы осталось как можно меньше недовольных, то есть, сохранить здоровую психологическую обстановку в селе. Думаю, вы тоже в этом заинтересованы, так как болеете за людей. Поскольку от них всё равно ничего не зависит, давайте сделаем так, чтобы меньше всего травмировать их психику. Вы со мной согласны?

– Отчасти, да. Но причём тут я?

– Вы лидер, к вашему мнению прислушиваются, и если вы выскажетесь за присутствие «Кедра» в селе, это положительно отразится на мнении сельчан. Вот и всё. Думаю, что вам нетрудно будет это сделать, учитывая, что компания действительно принесёт пользу сельчанам. Во-первых, это рабочие места, ведь большинство перебиваются лишь тайгой и рыбалкой, причём, незаконно. Фактически, они все браконьеры. Работая в компании, люди смогут честным трудом заработать на достойную жизнь. Во-вторых, мы построим нормальную дорогу, пустим ежедневный автобус на районную линию, мы планируем помощь школе, открытие в селе медпункта. Разве это плохие дела? Разве разумно этому сопротивляться?

– Вы очень красиво всё расписываете, но дело в том, что людям не нужна ваша забота. Я достаточно изучил местных жителей. Они браконьерят не потому, что им не на что жить, а потому, что они действительно живут тайгой, и другой жизни им не нужно. Я и сам против вырубки тайги, и активно формировал такое мнение у людей. А теперь вы предлагаете мне за бензопилу и пару букетов цветов изменить людям и самому себе?

– Ну что вы, Александр Владимирович, мы серьёзные люди, и ни в коем случае не хотели оскорбить вас такой мелочью. Это действительно, подарки. Мы прекрасно осведомлены о вашем затруднительном финансовом положении и заранее продумали его исправление. Вы далеки от самолюбования, поэтому джип вам явно ни к чему. А вот хороший проходимый грузовик будет очень полезен в сельском быту. И поверьте, он уже ждёт своего хозяина в гараже компании. Кроме того, за вами зарезервирована необременительная должность консультанта, которая за пару лет обеспечит вам более чем достойную старость. Ведь вам не так уж далеко до пенсии, а при ваших небольших заработках, и современных и предыдущих, она будет весьма

скромной, если не сказать ничтожной. И конечно, мы гарантируем вам победу на выборах. А вам и делать-то ничего не нужно, только сказать «да».

– Вы меня, как невесту уговариваете, – усмехнулся Александр. – Но я предвижу, что будет после первой брачной ночи. Поэтому, как невеста, скажу вам, что я не собираюсь делить с вами брачное ложе ни за какие ваши подарки. Давайте закончим этот разговор.

С лица босса исчезла дежурная улыбка. Он налил полную стопку коньяка, залпом опрокинул в рот. Поморщился.

– Какая шумная у вас собака! – кивнул он на окно, за которым без перерыва лаял Норд. – Я все-таки остаюсь верным посылу, что вы человек разумный и просто немного горячитесь.

– Собаки хорошо разбираются в людях. Я сказал – нет! – стал «заводиться» Александр.

– Вы, наверное, пропустили мое замечание о том, что мы люди серьезные. Разъясняю: наше предложение не может быть отклонено! У вас есть только один выход – принять его. Подумайте над этим, прежде чем говорить слова.

– Так, встали и вышли из моего дома! – вскочил Александр.

Оба помощника тут же поднялись и придвинулись к Александру. Босс налил себе ещё, выпил, растянул узел галстука, поднялся и медленно подошёл вплотную к Александру.

– Чукча ты неразумная! – сказал он с презрением. – Ты что, не понимаешь, что твоя шумная собака, хоть ты и считаешь её умной, жрёт всякую пададь и однажды может отравиться, что деревянные дома имеют свойство гореть, что твоя девочка болтается по лесу, а в лесу водятся маньяки, да и жена твоя, хоть и не первой свежести, а тоже баба...

Александр ударил! Прямо в морду. Это получилось автоматически, без его воли. Ему тут же больно завернули руки, за волосы задрали голову назад, так что его лицо оказалось прямо перед перекошенным от злобы лицом босса. Тот держался рукой за глаз.

– Кончить тебя сейчас? – прошипел он. – Жаль, что ты нужен фирме. Живи. Несмотря на твою дерзость, все мои обещания остаются в силе. Как плохие, так и хорошие. Помни об этом завтра на собрании! Отпустите его.

Босс пнул ногой дверь и вышел. Помощники вышли за ним. В темноте хлопнули дверцы, взревел двигатель, и машина уехала. Норд, наконец, замолчал, и наступила полная тишина. Было слышно, как комар звенит где-то под потолком. Александр спустился с крыльца и споткнулся о бензопилу. Он схватил её, подбежал к берегу и с размаху закинул в реку. Подошли Зоя с Ирой с букетами в руках. Александр выхватил у них цветы и зашвырнул в воду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.